

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА

Две птицы
на снегу

Дарья Кузнецова

Две птицы на снегу

«Автор»

2026

Кузнецова Д.

Две птицы на снегу / Д. Кузнецова — «Автор», 2026

Когда врач-силовик Летана Горская согласилась помочь на операции, спасая жизнь раненому фениксу, она просто делала свою работу и не собиралась извлекать выгоду. Но когда этот поступок принёс шанс подобраться ближе к Разлому и провести едва не сорвавшуюся научную работу, она решила его не упускать, несмотря на то, что к этому шансу прилагается нахальный и бесцеремонный феникс. Пару декад можно и потерпеть неприятного соседа. Но когда и что в этой жизни идёт по плану?

© Кузнецова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Анамнез	5
Глава 2. Локализация и иррадиация	13
Глава 3. Общее состояние	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дарья Кузнецова

Две птицы на снегу

Глава 1. Анамнез

Снег начался ещё днём, к пяти вечера он валил стеной, а к восьми превратился в такую метель, что уличные фонари сквозь неё едва виднелись. Врач-силовик Летана Горская наблюдала за буйством природы из гостиницы и радовалась, что уже вечер, что не надо никуда идти, а можно поужинать в уютном ресторане на первом этаже и спокойно закопаться в записи. Хотя до Разлома она так и не добралась, и нужных замеров нет, но зато коллеги поделились интересной статистикой собственных наблюдений и за тварями, и за теми, кто с ними боролся. Пока было непонятно, к чему эту статистику прикрутить, но Летана по умолчанию считала полезной всю информацию, а разбираться во всём этом предстояло уже дома, в компании научного руководителя за чашкой чая с мёдом. В столице зима малоснежная и очень сырая, там без мёда никуда.

Мечты оказались нарушены, когда она уже собиралась ложиться. Сплетённая из чистой магии весточка, имевшая вид мелкой белой пичуги, влетела сквозь оконное стекло, с размаху плюхнулась на стол и растеклась белым листом с чёрными печатными буквами. Просьба о помощи и вечерний привет от Разлома — очередной патруль попал в переплёт, раненые прибыли в госпиталь экстренными порталами.

Подробностей весточка не содержала, но Летана в любом случае не собиралась отсиживаться в стороне, когда речь шла о человеческих жизнях. Быстро оделась, собрала непослушные мягкие волосы в косу, не тратя время на аккуратный привычный пучок, и помчалась в госпиталь, благо находился он совсем недалеко, на этой же улице.

Здесь всё находилось недалеко — городишко крошечный, вблизи Разлома больших не бывает. Однако даже это расстояние в жестокой метели показалось бесконечным.

— Уф, ну у вас тут и погода! — посетовала Летана, одолев тугую входную дверь и ввалившись в приёмный покой госпиталя. — Идти сто метров, но только зигзагами против ветра, от укрытия до укрытия! Если не сдует, то заметёт... Думала, заблужусь. Доброй ночи!

— Здравствуйте, Летана! Ой, это только начало, — «утетила» молоденькая медсестра, тут же бросившаяся к ней. Помогла стащить и стряхнуть совершенно белую от снега шубу, и на светлом кафеле мигом образовалась стремительно тающая лужа. Большая, но чистая: снега навалило уже столько, что до грязи при всём желании не докопаться. А от календарной зимы не прошло и кварталы! — Если так сыпануло, то это дня на три. Но это хорошо, в такую погоду спокойно, даже твари по норам сидят, так что патрули не ходят. Да что вы, ну не стоило!

^Кварта — мера времени, состоит из четырёх декад, в каждой декаде — десять дней.^

Последнее замечание относилось к тому, что Горская машинально собрала за собой лужу и горячим воздухом просушила шубу, которую девушка продолжала держать, пока гостья выпутывалась из шарфа и вытряхивала ещё и его.

— Ничего страшного. Спасибо, куда это?.. — спросила Летана, пытаясь забрать у добровольной помощницы одежду.

— Не волнуйтесь, я всё уберу, давайте шарф. Вот, держите бахилы! Вам вот туда, в конце коридора дверь, там уже всё готово, ждут.

— Спасибо! — не стала спорить Горская и поспешила в указанном направлении.

Этот небольшой госпиталь понравился ей с первого взгляда, ещё декаду назад, когда она только приехала в Каменнопольск. Да, не чета столичному размаху, но зато всё очень чисто, аккуратно и строго. Взять хотя бы вот эту медсестру на входе: аккуратный голубой костюм,

халат белый как свежий снег за окнами, приятно посмотреть. Мебель в приёмном покое не новая, со следами починки, но тоже чистая и в хорошем состоянии. И так во всём.

И люди хорошие, не случайные. Наверное, именно потому, что госпиталь маленький, а дело делает большое. Престижа никакого, работы много, но и работа вся — настоящая, а не как повезёт. Летана три года после учёбы стажировалась в покое, на другом конце Разлома. Даже подумывала остаться, но учитель сманил перспективами интересной исследовательской работы. О чём она ни разу не пожалела, но в короткие моменты вот таких командировок испытывала приступы ностальгии.

Через короткий светлый коридор и белую дверь с алой надписью «Операционный блок №1» Летана быстрым шагом влетела в предоперационную, где её ждали.

— Доброй ночи! — ещё одна медсестра, постарше и явно гораздо более опытная, тут же бросилась навстречу. — Спасибо, что согласились помочь, наш Даровой...

— Не стоит, — перебила Летана, ныряя в кабинку для переодеваний. — Если он опасается не справиться сам и проблема по моему профилю, не могла же я отказать! Расскажите лучше, что там? Да, спасибо, — она приняла стерильную рубашку.

Отказываться от помощи с одеждой и всем остальным Лета и не подумала — всё равно не ориентировалась здесь и не знала, что и откуда можно брать. Тёплые зимние штаны и сапоги сменились светло-зелёными операционными брючками и мягкими носками-тапками за считанные секунды, навык быстро переодеваться выработался ещё в институтские годы, во время первой практики. Косу Горской убирали под шапочку в четыре руки. И несмотря на то, что она не хирург и от операционного поля всегда держалась достаточно далеко, мылась по всем правилам. Одно только отличие: перчатки силовика не только не нужны, но даже мешают.

— Повреждённый светоч, гаснет уже. Паслён ещё держит, но это временно и ненадолго, сам не восстановит. Патруль нарвался на что-то серьёзное, боевики справились, но много раненых. У нас все хирурги на ногах, там в основном по их профилю, рваные-резанные-укушенные, а этот вот... Его товарищ подобрал, вместе с ним и порталом дёрнуло. Всё, готово!

По-хорошему, Летаны вообще не должно было тут быть, всё же привлечение посторонних к операции — сомнительный поступок. Но местный главврач к формализму в таких вопросах явно не склонен, весточку послал именно он, а сама Лета тем более не видела причин для отказа.

В операционной было тихо, неподвижно и тревожно. Дежурный хирург, молодой помощник, анестезиолог и операционная сестра молча стояли в стороне, а главный силовик госпиталя с очень сосредоточенным видом держал ладони на светоче, лежащем на краю операционного стола, и вливал в него собственную силу, которая уходила словно в решето.

Судя по бледному, в цвет маски, лицу и хмурой глубокой складке между редких бровей, питал пострадавшего он из последних сил. Беглый взгляд Летаны на светоч только подтвердил первое впечатление: в сложном переплетении силовых нитей зияли заметные дыры, и справиться с ними самостоятельно феникс явно не мог. Вообще чудо, что он дожил не только до этого момента, но до попадания в руки Паслёну.

Светоч — это то, что остаётся от феникса на краю гибели, нечто вроде цисты у простейших. В таком состоянии, замкнувшись в энергетическую скорлупу, он способен восстановить повреждения, которые для любого другого живого существа стали бы смертельными, почему этих огненных птиц и считают бессмертными. Теоретически у перевёртышей с такой ипостасью должно было работать так же, но у людей этот процесс проходил гораздо медленнее и более энергозатратно, им просто не хватало магии на самостоятельное восстановление. Плюс светоча состоял в том, что феникс мог достаточно долго существовать в такой форме и выжить, тогда как за это время другой уже умер бы от ран.

Но всё имеет свой предел, вот как сейчас, и светоч феникса не спас. И Даровой тоже не мог. И у Леты шансы были невелики, но... Это не значило, что она не попытается.

— Не вливайте в него силу, пусть сам работает, — обратилась Летана к коллеге. — Вы отвлекаетесь на прокачку и на остальное не хватает внимания. Изолировать, замкнуть и заставить воплотиться, иначе никак. Светоч вы не заклеите.

Паслён Даровой, опытный силовик пятидесяти с небольшим, одарил молодую женщину благодарным усталым взглядом и уступил место рядом со столом. Операционная бригада тоже смотрела с такой надеждой, что Летане стало неловко. Они за всех пациентов так переживали или просто именно этого хорошо знали? Впрочем, чему тут удивляться! Городок небольшой, госпиталь один на четыре ближайших заставы, наверняка все боевики — знакомые!

Светоч тёплого янтарного цвета имел форму яйца, слабо светился и на ощупь был гладким и почти холодным. Лишнее подтверждение плачевности его состояния: фениксы горячие, он должен почти обжигать руки и гореть гораздо ярче.

Разобраться в той паутине, которая составляла светоч, Летана даже не пыталась — не с человеческими возможностями. Он сплётён настолько плотно, что даже отточенное постоянной работой с энергетическими структурами восприятие не поможет, как ни старайся. Шутка ли, упаковать взрослого человека в объём примерно головы! И даже если кажется, что ты отчётливо видишь нить и знаешь, как она должна тянуться, пытаться соединить бесполезно, потому что внутри, скорее всего, сложено несколько параллельных потоков; распространённая ошибка даже опытных силовиков.

Заставить повреждённый светоч развернуться тоже нетривиальная задача, но она хотя бы решается. Отрезать от внешних источников, замкнуть в отдельный кокон, который надо успеть поставить за пару мгновений, да ещё и достаточно плотный...

Летана почти успела. Всё же опыт в этом деле великая вещь, а подобными коконами она заинтересовалась ещё во время учёбы и за десять с лишним лет довела схему до совершенства. Одного сейчас не учла: этот конкретный феникс оказался слишком силён и слишком яростно цеплялся за жизнь. Горская просто не успела оборвать нити, связывающие с ней воплощённое заклинание, а потом уже стало поздно — пациент присосался к ауре целителя клещом. Пришлось срочно изолировать уже саму себя, заключая в новый кокон обоих. От последовавшего за этим скачка потенциала на мгновение потемнело в глазах, Летана выругалась сквозь зубы, но — удержала. И его, и себя, и через мгновение светоч под её ладонями потерял плотность.

Это было красиво. Чуть тёплая гладкая поверхность большого янтарного яйца просела и подалась мягким воском, по операционному столу плеснуло жидкое пламя и стекло вниз, на несколько мгновений очертив птичий силуэт — хвост с парой особенно длинных перьев по бокам, поджатые чёрные лапы с острыми когтями, распростёртые крылья, расстелившиеся на всю операционную. Обычно ярко-рыжее, а сейчас — тускло-багровое оперение мерцало, словно тлеющие угольки.

Ещё мгновение, и покрытая мягкими, нежными на ощупь перьями птичья голова с хищным чёрным клювом сменилась человеческой, с колючей щетиной на щеках и выбритых висках.

Первым очнулся и шагнул к раненому анестезиолог, через мгновение опомнились остальные. Переместив правую ладонь на шею феникса, Летана отступила в сторону, чтобы не мешать коллегам. Отпускать пациента она не спешила, до конца работы было ещё далеко. И пока хирург латал развороченную грудную клетку, собирая осколки рёбер и лёгких, врачу-силовику предстояло заделать дыры в энергетической оболочке, которые никуда не делись. Не понятно, с чем он столкнулся — в прямом смысле, — но не был бы фениксом, уже умер бы. А так...

Он и сейчас честно пытался, но оказался везучей заразой. И живучей. И хорошо, что при переходе в состояние светоча почти все инородные предметы пропадают — не пришлось вынимать из его тела обрывки одежды.

Операционная бригада колдовала над раненым без малого четыре часа, часть силового каркаса пришлось вылепить заново, все выложились досуха, но зато на беглый взгляд пациент

казался вполне здоровым. О страшной ране сейчас говорил только странный вид татуировки на его торсе. Роскошный стилизованный феникс чёрного цвета, занимавший всю широкую грудь боевого мага, перекоился и обзавёлся неровными проплешинами, на которых ярко розовела чистая молодая кожа. А вот энергетически... Впрочем, Летана не жалела. Всё равно других вариантов не было, уж лучше так, чем труп.

За пациентом пришла та же самая медсестра, что встречала Горскую на пороге. Она оказалась способной на левитацию предметов, даже если предмет этот — боевой маг весом под сотню килограммов. Так что врачи с чистой совестью передоверили ей пациента и пошли в предоперационную, переодеваться — зевающие, но довольные. Гостью пропустили вперёд, а потом заманили в ординаторскую предложением выпить хорошего кофе. Да она и без кофе не отказалась бы, потому что бросать пациента пока не собиралась, и далеко отходить от него — тоже.

Ординаторская в госпитале была небольшой, но очень уютной, вполне в духе всего остального. Три рабочих стола у стены, два больших окна со шкафом между ними, мягкий диван в углу и кофейный столик перед ним.

— Как всё прошло? — с беспокойством встретил их Даровой. Но разулыбался ещё до того, как услышал ответ, прочитав всё по умиротворённым лицам.

Да он вообще часто улыбался, и его беспомощно-светлая улыбка вызывала странное смущение, заставляя Лету чувствовать себя набедокурившим ребёнком, невольно обиженным доброго и любимого учителя. Округлый, низкий, с залысинами, аккуратной каштановой бородкой без признаков седины, носом «картошкой» и большими добрыми глазами... Такому бы с детьми работать, а не со взрослыми.

— Нормально, — ответил хирург. — Собрали. У нас живилка осталась?

— Была, — без особой уверенности отозвался анестезиолог и пошёл к хранильнику проверять.

Летана мысленно взмолилась Творцу, чтобы чудодейственный эликсир действительно нашёлся. Живилкой в быту называли эликсир с громким названием «живая вода». Конечно, совсем не такой могущественный, как сказочный прототип, но зато он помогал быстро и без побочных эффектов восстанавливать энергетический резерв, что сейчас пришлось бы очень кстати.

— Леточка, позвольте выказать восхищение! — Даровой проворно сцапал ладонь столешничной гостьи, склонился для поцелуя. — Вы настоящая волшебница. Я немного понаблюдая сначала, честно признаться — восхищён! Никогда не видел такой тонкой работы с энергией, Светан может вами гордиться! Я ему непременно напишу, это изумительно!

— Обширная практика, — улыбнулась та в ответ. — Только... Паслён, у меня к вам серьёзный разговор. Признаться, я не знаю, к кому ещё обратиться с этим. У того феникса есть постоянный лечащий врач?

— А что случилось? — полюбопытствовал хирург. Долговязый светловолосый мужчина лет тридцати без стерильной маски оказался довольно симпатичным, с подвижным лицом и хорошей улыбкой. Взгляд его искристых голубых глаз горел живым любопытством.

— Побочный эффект. — Летана не видела смысла скрывать. — Образовалась прочная сцепка ограничивающего типа со всеми сопутствующими.

— О! — мужчины переглянулись с одинаково озадаченными выражениями лиц, и Горская испытала лёгкое мелочное злорадство. Недостойное, но оттого не менее приятное. Не ей же одной ломать голову над этой... пикантной ситуацией!

Энергетических сцепок существовало великое множество, они различались по вектору, степени воздействия и продолжительности, некоторые считались незаконными, других большинство неспециалистов и не замечало. По сути это просто энергетическая связь, образование которых неизбежно для всех рас и даже для неразумных существ. Все создания Творца — рав-

новесные, но частично открытые структуры, поглощающие и отдающие энергию, и открытые каналы их невольно смыкаются.

Ограничительные сцепки встречались только в Зелёном лепестке, и встречались нередко. Возможность оборота перевёртыши обретали от тринадцати до семнадцати лет и в это время полностью осваивали её и обретали контроль над магией. Кому-то это давалось легче, кому-то тяжелее, но почти все так или иначе справлялись. Порой самостоятельно, а порой благодаря такой вот ограничивающей сцепке, которая чаще всего возникала у подростков с сильным, выраженным стихийным даром и магическим оборотом — у огненных фениксов, воздушных ириев и водных алкестов. У остальных, универсалов без перекоса в какую-то стихию, взросление обычно проходило легче, если только универсал не обладал слишком уж огромной силой. Нестабильная магия и нестабильный оборот делали подростков-стихийников опасными для окружающих и, в первую очередь, для себя, так что многие искренне благодарили Творца за такой полезный природный механизм.

Связь эта ни к чему не принуждала, но ограничивала подростка. В отдалении от своего старшего партнёра он совсем не мог оборачиваться и пользоваться магией, рядом с ним — напротив, все эти действия проходили очень легко. Но при этом старший мог пресечь любое действие подопечного, просто приказав, и подчинение происходило на инстинктивном уровне. Да, приказ был краткосрочным и узким, но именно здесь изыскивали простор для злоупотреблений. Даже несмотря на то, что принудить к сцепке невозможно: для её образования требовались доверие и полная открытость. Если, конечно, речь шла не о вопросе жизни и смерти, как в случае Летаны с фениксом.

Главным и очень большим плюсом такой сцепки являлась быстрая стабилизация дара. Если ограничителем становился кто-то из родителей, то есть тот, кто проводил с подростком много времени, дар успокаивался за декаду-полторы, а без ограничителя это могло затянуться на несколько квартал.

И вот теперь к Летане подобными узами оказался привязан не подросток, что пару-тройку раз случалось раньше, а взрослый боевой маг. Разорвать сцепку можно, пусть это и неприятно, но она не стала спешить. Пока это ни на что не повлияет, а потом...

— Надо послать весточку Ведану, — вздохнул Паслён.

— А кто это?

— Полковник Ведан Золотов, его командир, — пояснил хирург. — Он и так при первой возможности явится провести своих парней, всегда приходит, но о таких вещах лучше предупредить заранее.

— А не тот ли это Золотов, который начальник местных пограничников? — внутренне подобралась Летана.

— Он, у нас другого нет. Вы знакомы? — удивился он.

— Пересекались, когда я только приехала, — уклончиво ответила она и поспешила задуть преждевременную радость.

Ещё немного целители посидели в ординаторской, обсуждая операцию, боевых магов и татуировки, на которые тема съехала по горячим следам только что восстановленного тела. Хирург оказался большим поклонником этого творчества, и, когда гостя имела неосторожность высказаться, что не понимает такой страсти к разрисовыванию собственного тела, он принялся объяснять. Под кофе и живилку разговор получился лёгким и необременительным, и, хотя каждый в итоге остался при своём мнении, удалось обойтись без споров.

А после Летана узнала, куда именно определили феникса, и отправилась туда, спросив у хирурга разрешения найти каталку и вздремнуть на ней в палате. Всё же, пока сцепка не разорвана, бесполезно провести побольше времени с пациентом рядом, пусть восстанавливается. Врач не возражал, даже вызвался помочь, а остальные тем временем засобирались домой — сейчас было не их дежурство, всех выдернули из дома в экстренном порядке.

Везучий пациент оказался один в трёхместной палате. Летана не стала интересоваться, за какие заслуги ему такая роскошь, ей это оказалось на руку, не пришлось возиться с каталкой. Хирург, удостоверившись, что всё в порядке, ушёл, а Лета заняла пустующую постель. Без белья и без одеяла, но зато удобная, а это уже немало.

Феникс лежал на спине, накрытый простынёй до груди. Рядом стояла вдвоенная капельница — к вене тянулась трубка с лекарством для кроветворения, а вокруг неё вилась тонкая цепочка, браслет на конце которой обхватывал предплечье и маленькими дозами вливал энергию.

Первым делом Горская ещё раз осмотрела силовой каркас пациента и подправила пару мелочей, не замеченных на операции. Правда, дырки эти оказались более старыми и возникли не в последней стычке. Ничего удивительного, жизнь боевого мага насыщена и разнообразна. Насыщена проблемами и разнообразна травмами.

Вспомнив недавний разговор, Лета с интересом осмотрела татуировки. Помимо дырявого феникса, которого симпатизирующий натальной живописи хирург, кажется, сознательно старался сохранить, на боевом маге имелась ещё пара образцов натальной росписи: очень реалистичный череп какого-то зубастого существа на левом плече и странный рисунок на правом — словно там расплзается кожа, обнажая металлический скелет.

Рисунки сами по себе выглядели очень неплохо, их явно делал опытный и хороший художник, да и на мускулистом тренированном теле они смотрелись хорошо, но Летана всё равно рассеянно покачала головой, мысленно продолжая недавний спор. Хорошо-то хорошо, но такое тело и без них вполне гармонично и красиво, зачем его раскрашивать?..

Но задавать вопрос хозяину всей этой росписи она бы в любом случае не стала: его личное дело. К тому же если спрашивать про художества, стоило упомянуть и некоторые другие детали. Например, необычную короткую стрижку с выбритыми висками и широким гребешком густых ярко-рыжих волос посередине. Или несколько дырок от серёжек в левом ухе и в левой брови, кажется, тоже. И следовало признать, что весь целиком мужчина смотрелся странно гармонично. Неправильно, непривычно, но так, что не возникало желания что-то поменять. Вот Летана с татуировками и серёжкой в брови смотрелась бы донельзя глупо и смешно, а феникс... Феникс он и есть, что с него взять!

На несколько мгновений Летана задержалась взглядом на лице пациента, которое показалось смутно знакомым. Мужественное, с тяжёлым подбородком и носом с горбинкой — не то чтобы очень приметное, но подходящее ко всему остальному. Но Лета так и не смогла вспомнить, где его видела. С другой стороны, а чему удивляться: она уже декаду в городе, могла где-то встретить, например в этом же самом госпитале.

Официально Летана прибыла сюда для обмена опытом с коллегами. Её учитель и научный руководитель Светан Светанович Сеннов был одним из самых известных учёных-силовиков Зелёного лепестка, под его руководством постоянно разрабатывались методики восстановления энергетического каркаса человека при различных видах повреждений, от травм до сложных редких болезней. Даровой был его давним другом и учеником, который предпочёл научной работе «полевую», и именно из-за этой дружбы Летана оказалась в здешнем госпитале, а не в любом другом похожем. Сам старик боялся телепортов, сквозняков, сырости, холода и множества других вещей, поэтому почти не выходил из дома, всюду посылая любимую ученицу.

Неофициально... Для одной из работ, которую они не афишировали, требовались замеры и исследования возле самого Разлома, чем Сеннов, в силу возраста и слабого здоровья, в любом случае не смог бы заняться. Возможности пойти официально или по знакомству через высшее руководство не нашлось, поэтому оставалось изыскивать окольные пути. И ещё несколько часов назад шансы договориться с местным руководством казались призрачными: некто Золотов настрого запретил подобный риск, когда Сеннов обратился к нему с просьбой.

А вот сейчас забрезжила надежда. Вряд ли полковник захочет терять одного из сильнейших боевиков на пару-тройку кварт, которые понадобятся тому на восстановление самоконтроля без помощи ограничителя, и новую сцепку вряд ли получится сделать: для этого нужны расслабленность и открытость, а Летана сомневалась, что феникс сумеет кому-то настолько довериться. Со взрослыми такое случалось исключительно редко.

Впрочем, может, у него имелась любимая жена, которая охотно сменит в этой роли slučajного целителя? Конечно, странно, что она до сих пор не здесь, но мало ли, вдруг ещё не знает!

Позволив себе осторожный оптимизм, преждевременно торжествовать Летана не стала. Всё решит завтрашний разговор с командиром. Неплохо было бы привлечь на свою сторону Дарового, но Лета не решилась проявлять инициативу. Она не знала, насколько Сеннов ему доверял и о чём поставил в известность, и сама бы ни за что не пошла на риск.

Ещё раз окинув спящего внимательным взглядом и не найдя к чему придраться, Летана позволила себе зевнуть и сладко потянуться. После живилки и кофе жизнь казалась прекрасной, декада до этого выдалась спокойной, так что одна бессонная ночь не должна была сильно сказаться на самочувствии, но Горская не видела смысла геройствовать на пустом месте. Она уже нацелилась на дальнюю от пациента койку, когда взгляд зацепился за плотную обложку толстой тетради, лежавшей на тумбочке. Судя по всему, кто-то из персонала успел найти и принести упитанную медкарту боевика.

Любопытство оказалось сильно, поэтому в сторону выбранного спального места женщина направилась с занимательным чтивом на ближайшие полчаса. Она погасила верхний свет, зажгла небольшую настенную лампу над койкой и улеглась, стащив сапоги в бахилах.

Карта оказалась скучноватой и однообразной: сплошные травмы и ранения разной степени тяжести. Начала Летана по привычке с конца, где уже были подшиты заполненные чьим-то мелким неразборчивым почерком бланк поступления и операционный протокол. В госпиталь боевик стабильно попадал раз-другой в кварту, порой эта боевая летопись прерывалась вставками плановых осмотров, по результатам которых феникса считали неограниченно годным ко всему и сразу.

Феникс — он феникс и есть. Вторая ипостась не просто так пробуждается уже во вполне взрослом возрасте, она очень тесно связана с характером. Случаются разные исключения, когда прогноз не оправдывается, но в большинстве случаев можно достаточно точно предсказать, кто вылупится из подростка. Фениксы... Порывистые, горячие, отчаянные. Сильные огненные маги, почти всегда боевые. Самые сильные из боевых, самые бесстрашные, и с самой высокой смертностью по статистике, потому что самые рискованные и всегда лезут вперёд. Полагают себя бессмертными и рвутся в самое пекло, рискуя попусту — очень они любят острые ощущения и ходить по грани.

Летана покосилась на пациента, до которого не добивал свет лампы, ещё раз оценила толщину карты и нашла дату первой записи — медосмотра восемь лет назад.

Точно. Типичный феникс, ещё и очень везучий, если дожил до стольких лет... А, кстати, сколько ему вообще?

Она запоздало глянула личные данные и на мгновение замерла.

— Не может быть, — пробормотала озадачено, опять непроизвольно бросила взгляд в сторону пациента и растерянно покачала головой.

Фениксу было тридцать три, но это мелочи. Оказывается, они учились вместе! Больше того, были неплохо знакомы в какой-то момент учёбы, и даже более чем.

Яроплет Вольнов, ну надо же! Как интересно порой поворачивается жизнь...

Лета была в него отчаянно влюблена. Недолго и давно, больше десяти лет назад, прозрела и остыла достаточно быстро, но... Сказал бы ей кто тогда, что при встрече она его попросту не узнает. А ещё удивлялась, почему лицо кажется знакомым!

Хотя Вольнов здорово изменился с тех пор, и это служило достаточным оправданием собственной дырявой памяти. Симпатичный долговязый огненный маг с рыжими взъерошенными волосами, которого Лета помнила, состриг вихры, возмужал и, что называется, заматерел. Да у него даже лицо стало неуловимо другим! Но похожим, да, это точно был он, а не какой-то другой Вольнов. Да и вряд ли существовали два рыжих феникса с таким именем, фамилией и датой рождения.

Поднявшись с койки, Летана на цыпочках прошла к тумбочке, чтобы положить карту обратно, и так же вернулась обратно — обуваться ради нескольких шагов не хотелось, а кафельный пол неприятно холодил ноги. Погасив свет, она вытянулась на тонком жёстком матраце, подложив руки под голову, и вновь растерянно хмыкнула себе под нос, посмеиваясь.

Нет, ну надо же, а? Она умудрилась его не узнать!

Их роман вышел очень коротким. Да собственно романом это могла назвать только наивная влюблённая первокурсница из очень приличной семьи, а сейчас себя тогдашнюю Лета могла вспоминать только с ироническим умилением — это же надо было быть такой дурочкой!

Летана влюбилась с первого взгляда, со всей отчаянной искренностью первой настоящей любви. Рыжий боевик казался воплощением силы, мужества, обаяния, красоты... В общем, он выглядел идеалом в её глазах, ну как тут устоять? Только сам Вольнов пытался ухаживать за совсем другой девушкой, Лета так и не смогла сейчас вспомнить её имени, хотя лицо — или, вернее, образ, — помнила. Яркая брюнетка, очень красивая. Младшая дочь князя Белова.

Княжна тогда долго муржила феникса, потом как будто согласилась, но сразу бросила и подняла на смех. Ну а Лета жалостливо подобрала, за что вскоре и поплатилась, потому что провстречались они с декаду, в которую феникс заливал горе, а юная целительница пыталась его растормошить. Потом у неё это получилось, но вместо благодарности влюблённая первокурсница получила очень резкое требование оставить его в покое и не надоедать, благо ему хватило воспитания поговорить с девушкой наедине. И уже Летане пришлось склеивать разбитое сердце.

Целый семестр, аж до второго курса. Потом драматическая первая любовь забылась за насыщенной учёбой, на третьем курсе сменилась второй любовью, потом, уже в ординатуре, третьей... Ох и давно всё это было!

Некоторое время Лета предавалась ностальгии и вспоминала учебные годы, довольно быстро переключившись с феникса на любимых преподавателей, дипломные переживания и друзей. Успела подумать, что неплохо хотя бы в этом году попасть на вечер встречи выпускников, а то, может, она и из них никого не узнает!

А потом её сморил сон.

Глава 2. Локализация и иррадиация

Разбудил Летану утренний обход дежурного хирурга. Здоровяк в полтора раза шире немаленького пациента, с золотисто-русой аккуратной бородой и короткими волосами, скрытыми шапочкой, двигался в своих мягких тапочках бесшумно и дверью не хлопал, но при его появлении Лета всё равно вскинулась — она всегда чутко спала.

— Доброе утро, — улыбнулся дежурный, склоняясь над пациентом, но глядя на трущую глаза гостью.

Он явно старался говорить тише, но рокочущий сильный бас так просто не сдавался. Впрочем, больного это не разбудило, и Лета поспешила ответить, обуваясь.

— Доброе утро! Вы извините, я...

— Я знаю, Паслён всё объяснил, — отмахнулся он. — Ярику повезло, что вы приехали. Ну и от меня тоже спасибо!

— Не могла же я отказаться от такой интересной практики, — улыбнулась Летана. — Погодите, Ярику?..

— Мы с ним давно дружим, — понял её затруднения бородач. — Я на той же заставе полевым врачом начинал, пока меня не ушли.

— Ушли?

— У нас тут всё одним путём, — хмыкнул он. — Наши целители хороши, но новую ногу взамен откушенной сделать не могут, а на искусственной по горам далеко не упрыгаешь. Да вы не смущайтесь, меня эта тема не беспокоит, когда я по лестнице не поднимаюсь. Идите лучше умывайтесь и завтракайте спокойно, а то скоро Золотов примчится, тут-то нам всем и... Конец спокойной жизни.

Летана не стала спорить, тем более умыться и выпить кофе действительно хотелось. Только за дверью уже она сообразила, что так и не узнала имени нового знакомого, которого сегодня совершенно точно видела впервые в жизни. На её лекции здоровяк не приходил ни разу, хотя коллеги его проявляли любопытство, да и просто так они в больнице не пересекались, такого бы Лета точно не пропустила.

После завтрака в местном кафетерии Горская потратила несколько минут на разговор с Паслёном, который сам нашёл её и избавил от вчерашних переживаний. Оказалось, Сеннов предупредил старого знакомого, что его ученице нужно попасть к Разлому, и Паслён пообещал содействие в меру своих скромных сил. А также охотно поделился бумагой, ручкой и парой нужных справочников.

Летане очень не хотелось попусту тратить время, но ещё меньше хотелось идти за рабочими материалами в гостиницу, продираясь сквозь бушующую метель. День там, за окнами, выглядел вечерними сумерками, и вчерашний прогноз медсестры явно сбывался: мелко, кажется, ещё сильнее, чем вечером. Зато нашлось занятие прямо здесь, всё в той же палате, где необходимый материал занимал отдельную койку.

Лета хотела по горячим следам расписать повреждения подробнее, чем отражал операционный протокол, и собственные действия по их исправлению. Её не отпускало навязчивое ощущение, что с дырой что-то было не так. Дело не в ней самой, не в способе повреждения каналов и даже не в том, какая именно тварь нанесла рану — Летана с ходу могла бы вспомнить десяток подходящих. А вот в чём именно — непонятно. Может, и вовсе ни в чём, и ей просто казалось, но разобраться с этим ощущением хотелось. Способ Лета знала всего один: постараться систематизировать воспоминания и выудить из них всё что можно, благо плетения она запоминала отлично, потому что сейчас никаких следов не осталось.

Лета, как это часто с ней бывало, быстро увлеклась составлением схемы и почти отрешилась от действительности. В какой-то момент она упёрлась в необходимость учесть массу тела объекта и ещё несколько показателей и двинулась добывать сведения. В другой ситуации она сделала бы это на глаз, но зачем, если под рукой имелась карта с недавним медосмотром и свеженькими анализами крови?

Опять поленившись обуваться, Лета дошла до тумбочки, взяла карту, отлистила на нужную страницу и принялась выписывать цифры. Сосредоточенная и увлечённая, она не заметила пробуждения пациента.

Зато пациент её заметил.

Очнувшись, Яроплет несколько секунд не двигался и прислушивался к ощущениям, оценивая собственную целостность. От неподвижности слегка затекла спина, ныла грудная клетка — он прекрасно помнил, что основной удар пришёлся именно туда. Но это ощущение казалось почти приятным, потому что боль в момент удара он тоже прекрасно помнил.

Больничный потолок Вольнов узнал, и это разом сняло многие сомнения. Или в кои-то веки повезло и успел сработать экстренный портал, или кто-то из своих прихватил, а там уже целители впряглись. Хирурги тут работали отличные, что Яроплет не раз испытывал на собственной шкуре, так что за здоровье своё можно было не переживать, очнувшись в полном комплекте. Сильнее волновал вопрос, как остальной отряд, но это терпело. Какой прок махать кулаками после драки? Что мог — он сделал, а сумели они воспользоваться возможностью или нет — от него уже не зависело. Тем более сейчас, когда с боя прошло... сколько-то времени. Всяко не меньше нескольких часов, а может, и нескольких суток.

Ответ на вопрос о времени тоже занимал, но сейчас всё внимание привлекло другое: неожиданная соседка. Через койку от него сидела над какими-то толстыми книгами незнакомая миловидная девушка с длинной русо-рыжей косой, перекинутой через плечо. Свободный белый халат скрывал детали, но чутьё подсказывало: фигура тоже хороша. То ли медсестричка новая что-то зубрит и учится параллельно с работой, то ли практикантку прислали.

Музыкально мурлыча под нос что-то до боли знакомое и не вынимая носа из своих записей, незнакомка подошла к его койке, взяла карту, продолжая игнорировать пациента.

Вообще-то ничего такого Яроплет не имел в виду. Просто рыжая так демонстративно и старательно его не замечала, что это было даже немного обидно. Ну как тут не пугнуть девчонку? Для визга и веселья.

И под халатом пощупать, тоже благая цель. Интересно же, насколько угадал.

— Привет! Новенькая? — уточнил он бодро, одновременно с этим сгребая студентку в охапку пониже спины.

Только реакция последовала совсем не та, на которую феникс рассчитывал, а его собственная реакция, как назло, подвела — от резкого движения закружилась голова. Незнакомка же молча и от души двинула ему локтем в нос.

— Ай! Твою!.. — Настроение веселиться сразу пропало, и Вольнов выпустил буйную студентку из рук, схватился за лицо и рухнул обратно на постель. — Что ж ты такая... нервная? — выцедил, шипя от боли, но всё же сдержался в рамках приличий. — Ну, рыжая!..

Дальнейшее поведение незнакомки тоже не уложилось в ожидаемые шаблоны. Никакой суеты, никакого возмущения, обид, извинений и их требования, только сдержанная невозмутимость и лёгкая ирония в голосе.

— Я не рыжая, я русая, — спокойно возразила она. — Не распускал бы руки — не страдал лицом. Дай посмотрю.

Тонкие тёплые пальцы уверенно ухватились за его запястье, отвели руку — Яроплет уступил, почти забыв уже про свой нос. Внимание уцепилось за голос незнакомки. Бархатистый, мягкий, достаточно низкий, он тёплой щекоткой отзывался в затылке, и... Вольнов точно где-то его слышал!

Да и лицо тоже... Мелкие бледные веснушки на аккуратном точёном носе, и серо-зелёные глаза смотрели странно знакомо. Как будто знакомы были не сами глаза, а мягкая укоризна в них. Запах, выражение лица, насмешливый изгиб губ... Мерещилось или нет?

Яроплет вдруг понял, что она не студентка, старше. Выдавал взгляд. Отсюда и расхождение между ожидаемым и действительным поведением.

— Всё же ты везучий, феникс. Не сломала, — женские пальцы ощупали лицо, легли на переносицу, унося боль приятной прохладой. Знакомое ощущение. Кем бы она ни была, но целительскими чарами владела.

Продолжить разговор, вновь попытаться обнять или хотя бы узнать имя знакомки-незнакомки Вольнов не успел, открылась дверь палаты и впустила новых людей, на этот раз хорошо знакомых каждому пограничнику.

Впереди шёл Паслён Даровой, главный силовик госпиталя. Он всегда казался Яроплету ужасно нелепым из-за слишком высокого голоса, лёгкой картавости и манеры общения. Но с этим приходилось мириться, уважая опыт и профессионализм, и радоваться, что нет необходимости общаться с ним подолгу.

Ну и Золотов, начальник погранслужбы города Каменнопольска. Басовитый, с хриплыми рычащими интонациями, от которого, однако, никто и никогда не слышал крика. С другой стороны, и повышать голос ему не требовалось: тихий рык — и все бежали исполнять. Высокий плечистый мужчина, в свои семьдесят с небольшим слегка оплывший, но всё равно крепкий, как старый кряжистый дуб. Да и в остальном сходство было сильно. В надёжности, упрямстве, непримиримости и способности укрыть от непогоды тех, кто оказался под его кроной.

Полковника Золотова уважали все и по умолчанию. Он был свой в самом лучшем и высшем смысле этого слова. С двадцати лет на этой границе, и полевой полковничий мундир он не менял на другую одежду, кажется, никогда. Порой доставал парадный, но редко, и ругал его, говорил — звенит. А как ему не звенеть, если он в медалях от погон до португепи? Но все, кто знал Ведана хорошо, прекрасно понимали: смущается. Гордится наградами, потому что за каждой из них — жизни, но выставлять на обозрение стесняется.

Помимо солидного полевого опыта, он имел недюжинный управленческий талант в той самой примитивной хозяйственной части, которая на большинство боевиков нагоняла страшную скуку. Хозяйственный, основательный, надёжный и честный — светлый медведь, что с него взять!

Светлый не в смысле цвета, конечно. Каждой звериной форме присущи свои качества — как положительные, так и отрицательные, — и с очень давних времён повелось первые называть светлыми, вторые — тёмными. Тех же, кто болтался где-то посередине, называли, в пику единообразию, не серыми, а истинными.

— А, Леточка, вы здесь! — обрадованно проговорил Паслён Даровой. Он вообще всегда говорил очень воодушевлённо и любил уменьшительные формы имён, что Вольнова особенно раздражало. — Вот и герой наш очнулся... Как ваше самочувствие, Яроплет?

Спасибо, «Ярушкой» не припечатал, с него бы случилось. Да и не пытался никогда, наверное его любовь к этим проклятым суффиксам имела какие-то границы.

— Нормально самочувствие, как положено, — отмахнулся феникс, но Даровой всё равно принялся за диагностику. Пациент недовольно скривился, окатив силовика взглядом, но работу осложнять не стал, послушно замер, прикрыв глаза. Но всё же с иронией обратился к командиру: — Ну что, какой у нас счёт? Сколько новеньких ждём?

— Вы сделали их всухую, — усмехнулся Золотов в ответ. — Так что обойдётся старенькими. Они потрёпаны, но живы. Сейчас очнётся, буду выдавать всем зуботычины. Ты первый на очереди.

— Как всегда, — отозвался феникс, окончательно расслабившись: ответа на этот свой вопрос он боялся сильнее всего.

— А это, значит, та самая? — полковник окинул женщину внимательным взглядом.

— Та самая, да, — поспешил заверить Даровой. — Любимая ученица моего хорошего друга и лучшего силовика нашей с вами современности. Помяните моё слово, Ведан, через десять-двадцать лет мы с вами будем гордиться, что довелось принимать у себя такой бриллиант!

— Несомненно, — едва заметно поморщился главный пограничник, окинув «бриллиант» полным сомнения взглядом.

Летана ответила ему таким же и похвалила себя за осторожность в проявлении оптимизма. С серо-бурыми седеющими волосами, в грязно-серой повседневной форме, с рубленным квадратным лицом и тонкими поджатыми губами, выглядел Золотов внушительно. Договориться с таким хмурым шкафом будет трудно, всё его упрямство и отношение к субтильной столичной девице было написано на лбу крупными буквами. До сих пор, правда, Лета не считала себя субтильной, даже наоборот — фигуристой и крепкой, тренированной. Но когда напротив стоит этакий медведь больше двух метров ростом, приходится менять точку отсчёта.

Наверное, он и правда медведь — предполагаемый оборот напрашивался сам собой, другие варианты даже не приходили в голову.

— Леточка, вы уже успели обсудить с пациентом проблему? — поспешил вмешаться Даровой.

— Пока нет, — ответила та. — Он только что очнулся.

— А что, у такой красавицы проблемы? — ухмыльнулся Вольнов, окинув её взглядом. — Да вы присаживайтесь, что вы как неродные? Ради Леточки я готов подвинуться!

— Ну что вы, как я могу притеснять раненого героя? — с очень серьёзным видом ответила та. — Тем более у меня-то как раз проблем нет, они все ваши.

Врач с «любимой ученицей» заняли соседнюю койку, полковник пододвинул себе один из двух низких стульев на колёсиках. Сам феникс тоже сел на постели, очень надеясь, что удалось удержать на лице насмешливую улыбку и не скривиться: от этого движения волной накатила дурнота, в груди что-то хрустнуло и отдалось тупой болью, а перед глазами заплескали мушки — верный признак истощения. Во всяком случае, он думал, что истощения, но в свете «проблем»...

— Да, одну я уже вижу. Обычно меня красотки в нос локтями не бьют, — он демонстративно ощупал пострадавшую часть лица.

— Бьют сразу в другие места? — Летана насмешливо приподняла брови.

— Нет, они обычно...

— Яр, заткнись уже, — устало оборвал его командир. — Ты сначала с койки встань, потом будешь девок огуливать!

«Любимая ученица» едва заметно поморщилась на этом выражении и слегка качнула головой, а улыбка Яроплета, это заметившего, стала только шире.

— Ты не хуже меня знаешь, — продолжил он, решив, что невозможно не дразнить девушку, если это получается, — что в этом деле койка не только не вредит, а, наоборот...

— Яр!

Немногословный Золотов обладал редким талантом смотреть матом, и, когда к нему прибегал, это был нехороший признак. Так что Яроплет всё же послушался начальства и заткнулся, а то обратилось к врачам:

— Что за проблема? Этот идиот всё же добежался или его можно вернуть в строй?

— Не надо нервничать, Творца ради! С вашего позволения, я сам объясню, — поспешил заговорить Паслён, пока молодёжь умолкла, и с выразительным укором глянул на Летану: ей следовало умасливать пограничников, а не ругаться! — Ничего ужасного или непоправимого. Господина капитана доставил его соратник в форме повреждённого и неспособного восстановиться светоча. К счастью, Леточка сумела справиться с травмой и исправила силовой каркас,

так что полное восстановление — дело времени. Сейчас Яроплет не способен к самостоятельным чарам и к перевороту, полагаю, тоже, и на естественное восстановление уйдёт две-три кварталы.

Яр на этих словах недовольно поморщился, а Золотов бросил на подчинённого хмурый взгляд, явно обещая ему в мыслях страшные кары.

— Однако есть и приятная новость, — продолжал тем временем силовик. — Во время операции между Яроплетом и Летаной возникла сцепка ограничивающего типа, совершенно классическая, просто как по учебнику. Леточка хотела разорвать, пока пациент не проснулся, всё же вышло не вполне этично — капитан спал и не мог добровольно согласиться на подобное. Но я уговорил её повременить до вашего пробуждения.

— И с этой сцепкой восстановление ускорится, как стабилизация в подростковом возрасте? — уточнил полковник.

— Да, буквально декада-другая. Можно попробовать найти другого партнёра, но я не уверен, что подходящий отыщется и образуется полноценная связь. Нужно доверие и открытость, а взрослые в этом смысле совсем не то, что подростки. Впрочем, если у вас есть на примете подходящий человек...

Взгляды сошлись на Яроплете, и тот усмехнулся:

— И где бы я его, интересно, взял?

— Если так, то решение за вами, сцепку можно оборвать хоть сейчас. Откат неприятный, но не опасный.

— Я даже не знаю, — дурачась, протянул Вольнов. — Пара декад в обществе строптивой красотики или три кварталы неспешного отпуска с путешествием по Лепестку, а то и куда-нибудь в Красный, к деморам и их тёплому климату... Да я и правда везунчик, такие перспективы!

— Три кварталы ему... Обойдётся. Никакого разрыва связи, двух декад безделья тебе вполне хватит! — строго глянул на него Золотов. — Я не собираюсь на всю зиму терять лучшего боевого мага, которому нипочём мороз и снег.

— Вы кое-что забыли, господа, — подала голос Летана, стараясь говорить спокойно и равнодушно, опять вспоминая всю вбитую с детства науку о том, как надлежит держаться достойной дворянке. От светской жизни Лета всегда старалась держаться как можно дальше, да ей и не навязывали ничего подобного, но привитые с юности умения не раз пригождались. Вот как сейчас.

— А именно? — сощурился полковник, вперившись в неё тяжёлым взглядом тёмных, глубоко посаженных глаз.

— Моя командировка заканчивается сегодня, — она позволила себе лёгкую улыбку.

— Продлите на две декады, ничего с вами не случится, — поморщился Золотов.

— И не подумаю. — Лета старательно проигнорировала его недовольство. — Моя работа окончена, и тратить две декады непонятно на что я не собираюсь.

Вот ещё он будет на неё массой давить! Помимо веса и кулаков, есть магия, а в этом она точно лучше медведя. Несмотря на то, что боевая магия — совсем не её специализация, а этот офицер всю жизнь провёл у Разлома. Ничего он ей не сделает, даже если соберётся. А он вряд ли соберётся прямо сейчас посреди больницы. Хотелось в это верить.

В любом случае тут нельзя показывать страх, а мысли о магии немного успокаивали.

— Придумаете. Кто там у вас руководитель, Сеннов? Я ему отпишу.

— Полагаю, он не оценит вашей непоследовательности и откажется. Хотя бы даже из принципа и упрямства, и уговаривать его я не стану. Вы уже сорвали план работ, пришлось искать обходные пути, а они, как вы понимаете, всегда более длинные. Это не вопрос спасения чьей-то жизни, так что повода задерживаться нет. Нянчиться же с вашим подчинённым просто так я не собираюсь.

— Сколько? — взгляд ещё больше потяжелел.

— Две декады, вы же сами слышали, — слегка растерялась Летана, не поняв вопроса.

— Я говорю, сколько вам заплатить, чтобы вы остались? — поморщился Золотов.

— Вы... вы кем меня считаете? — искренне изумилась Лета, а после зло, уже не играя, выщедила: — Знаете что, неуважаемый господин полковник, это переходит всякие границы. Мало того, что вы позволяете себе...

— Леточка, пожалуйста, не сердитесь! — Паслён поймал её за локоть и потянул назад. Только сейчас она сообразила, что в какой-то момент успела встать с койки. — Ведан ни в коем случае не хотел вас обидеть! Правда ведь?

— Не хотел, извини, — поморщился тот, кажется действительно искренне досадуя на себя за это предложение. — Тогда что? Ели бы ты не хотела, чтобы тебя уговорили, разорвала бы сцепку сразу. Значит, шансы есть. Что? Этот, если что, и натурой расплатиться может, — хмыкнул он.

— С таким кредитором — с удовольствием! — Яроплет многозначительно поиграл бровями, окинув женщину выразительным взглядом. Правда, ответный взгляд его слегка осадил — не злой, не холодный, а снисходительно-насмешливый. Смутить столичную гостью оказалось не так-то просто.

Но это не значило, что Яр намерен сдаться и оставить попытки. Если у них впереди полторы-две декады близкого общения, то он совсем не против сделать его возможно более тесным. Во всяком случае, попробовать. Нашупанное под халатом Вольнову понравилось, теперь хотелось оценить уже без халата.

— Оставьте его натуру себе, не интересуется, — отмахнулась Лета. — Но кое-что действительно есть. Сеннов присылал запрос, но вы его отклонили. Если одобрите, все замеры займут полторы декады максимум, но вполне возможно растянуть их до окончательного выздоровления господина Вольнова. До Длинной ночи не управлюсь, как мы надеялись изначально, но это ладно. Если помните, квартиру назад...

— На память не жалуюсь, — оборвал Золотов. Помолчал в задумчивости, оценивающе посмотрел на подчинённого, решая, стоит ли он такой жертвы. — Ладно, демоны с тобой. Подпишу. А ты подпишешь отказ от претензий. И если будешь мешаться патрулям, если тебя придётся ждать и из-за тебя кто-нибудь погибнет — лучше сама прыгай в Разлом, — предостерёг он.

— Я не доставлю проблем, — заверила Летана.

Пусть такой уверенности, какую показывала, она не испытывала, но и слабину давать не собиралась: не с тем она разговаривала человеком, чтобы озвучивать ему свои сомнения. Ей нужен Разлом, ей нужны эти данные. Да, она не обученный боевой маг, но неплохо подготовлена физически и может ударить хотя бы даже сырой силой, которой у неё много. Конечно, лучше бы до этого не дошло и удалось спрятаться за широкими спинами пограничников, всё же она в герои не рвалась. Но...

— Я свяжусь с командиром семнадцатой заставы, отправитесь как метель пойдёт на спад, а то сейчас даже порталы сбоят, не хватало вас потом по сугробам искать. Начальник заставы мужик опытный, не первый теоретик на его веку.

— Погоди, я тебя правильно понял, — очнулся Яроплет. — Ты хочешь эту крошку к нам на заставу послать? Да я её с радостью к себе домой приглашу! Она же там убьётся, обидно будет...

— А вот чтобы она не убилась, у нас есть ты, Вольнов, — оборвал его командир, — будешь сопровождать и беречь, это в твоих же интересах.

— Так я же без магии, — растерялся тот.

— А тебе и не надо. — Улыбка у Золотова вышла мерзкой и паскудной. — Ты больной, поэтому из патрулей тебя исключат. Будешь ходить тенью за ней, если надо — на шее таскать и ловить за хвост, чтобы в Разлом не свалилась. Обоим понятно?

Вольнов кивнул с задумчивым прищуром и улыбкой в уголках губ, смерив женщину оценивающим взглядом — прикидывал, как именно будет удобнее её носить. Когда Летана открыла было рот, чтобы возразить, что такая опека излишня, но сама же его закрыла и только кивнула в ответ на заданный вопрос, пограничники удовлетворённо переглянулись, а Яроплет преисполнился оптимизма. Точно, далеко не худший вариант.

— Как тебя, Летана... Горская, верно? — продолжил полковник, удовлетворившись ответом. — Пропуск оформлю, остальные данные потом сами впишете.

— Горская? — переспросил Яроплет и уставился на рыжую с подозрением. — Погоди, а не ты ли...

— Я, — насмешливо улыбнулась она уголками губ, легко и прямо встречая его взгляд.

Несколько мгновений Вольнов внимательно её рассматривал, пытаясь выудить из памяти что-то существенное. Образ был смазанным и безликим, ассоциации — унылыми и стыдными, но...

— И правда, — задумчиво подтвердил он.

Голос. Вот голос он точно вспомнил. И эту манеру мурлыкать лёгкий мотив. И песню узнал, непонятно только, как сразу не вспомнил: он же её прекрасно знал.

— Вы о чём? Вы знакомы? — с любопытством уточнил Паслён, переводя взгляд с коллеги на боевого мага и обратно.

— Учились вместе, — безмятежно ответила Летана.

— Ага. Очень недолго, — хмыкнул Яроплет.

Выражения её лица он не понял, но вроде бы жадой праведной мести Горская не пылала. Да и не верилось, что больше десяти лет она спала и видела, как бы с ним расквитаться. Обиженные и брошенные женщины на всякое способны, но...

Спокойная, уверенная в себе, поглядывала на него с лёгкой улыбкой — совсем не похожа на несчастную мстительницу. Да и от той юной целительницы, которую Вольнов пытался вспомнить, она сильно отличалась. И дело даже не в том, что прежний образ в памяти заслонялся первым и самым серьёзным любовным разочарованием, прелестной стервой княжной Беловой, и выглядел смутным и расплывчатым. Просто... внешность внешностью, но вот эта особа вряд ли стала бы вешаться на откровенно равнодушного к ней парня, слушать его пьяный треп и терпеть сравнения с другой.

И вот эта Горская ему нравилась и вызывала интерес. Он вообще любил сильных и ярких женщин, несмотря на то, как обжёгся в юности с Беловой. Да, по-прежнему с насторожённостью относился к дворянкам, но уже без того яростного отвращения, которое оставила на память княжна. Но тут-то какая разница, кто она? Интересное развлечение на две декады, особенно удачное тем, что человек она посторонний, не с заставы, общение их ненадолго и не будет никакой взаимной неловкости после расставания. Получится затащить в постель и провести время к общему удовольствию — прекрасно, нет — да и ладно.

Помимо любопытства, подзуживал ещё и азарт. Насмешливо-снисходительный взгляд, усмешка, этот её острый локоть... Сложная задача. Очень сложная, если прибавить к тому их единственный совместный опыт близости, который сам Вольнов помнил очень смутно, и у юной целительницы он наверняка не оставил никаких приятных воспоминаний. Но тем интереснее: сложные задачи Яр любил и уже предвкушал процесс. Как можно не ввязаться в игру, если в случае проигрыша совсем ничего не теряешь? Да и загладить прошлое впечатление было бы неплохо, уж лучше остаться в её памяти командировочным приятным приключением, чем разочарованием юности.

Таскать её с собой с патрулями вдоль Разлома — сомнительное удовольствие. Но Ведан прав, не впервой, и лучше эта милашка, которую будет приятно в случае необходимости взять на руки или на загривок и которая способна вовремя промолчать и, вероятно, подчиняться приказам, чем толстый засранец-проверяющий в чине майора, которого пару лет назад прино-

сило на их заставу. Сам чуть не убился, чудом не угробил патруль и на прощание ещё от души подгадил, так что еле отмылись от всей той чуши, которую он написал.

— Скажи, ты знаешь, что именно тебя ударило? — нарушила повисшую тишину Летана. Потому что разрешение приблизиться к Разлому — это отлично, но до него ещё несколько дней, которые надо было чем-то занять. И почему бы не попытаться по горячим следам разобраться со своими сомнениями?

— Хлыстонога сложно с кем-то перепутать, — улыбнулся Яроплет.

— Как вы умудрились не заметить его издалека? — растерялась Лета. — Он был как-то замаскирован?.. — предположила неуверенно.

Она не знала, как можно спрятать гигантский, но довольно медлительный пучок щупалец, похожий на неряшливую скатку из обрывков верёвки, но, может, тут и крылась вся странность? Обычно таких уничтожали издалека, поэтому хоть хлыстоног и представлял опасность, но не в той степени, чтобы всерьёз навредить целому патрулю.

Если только он сам...

— Ага. Идём по полю, а тут вдруг он как выскочит из-за угла, ка-ак прыгнет! — рассмеялся Вольнов. — Да какая маскировка, просто подставился неудачно, вперёд сунулся. Очень хотелось шкуру целой сохранить.

— Феникс, — с усталой понимающей усмешкой покачала головой Лета, найдя подтверждение своему недооформившемуся предположению.

Ну кто бы сомневался, что вляпаться этот мог исключительно по горячности. Ещё и весь остальной патруль за собой потянул, судя по тому, что много раненых. Непонятно только, почему командир его настолько ценит? Наверное, он приносит пользу чаще, чем неприятности.

— В полный рост! — приосанился Вольнов, насколько это удалось в его нынешней позе, хотя во взгляде целительницы не было даже намёка на восхищение или уважение.

Того, как озадаченно нахмурился Золотов, глянув на подчинённого, она не заметила, делая пометки в своих бумагах. И их обмена взглядами с Яроплетом, который выразительно дёрнул щекой, отмахиваясь от интереса командира, тоже.

— Меня когда отпустят-то? Долго тут лежать?

— Вечером, наверное. К вам чуть позже снова придёт лечащий врач, и капельница ещё одна в назначениях, для укрепления и восстановления, — пояснил Паслён.

— А лечащий у меня?..

— Бочкин, как обычно, вы же за ним закреплены.

— Что, уже сбежал на работу? — развеселился Яроплет.

— Вы к нему несправедливы, Ладушка на него нарадоваться не может, он ей очень помогает с малышами, — укоризненно-умилительным тоном возразил Паслён. — Но он же Ладушку уже две декады как из родильного забрал, пора и на работу, да и матушка к ней приехала...

Лета в самом начале этой тирады обвела ищущим взглядом палату, пытаясь подобрать предлог уйти от разговора, при котором считала себя совершенно лишней. Предлог не нашла, но наткнулась на тоскливо-обречённый взгляд Золотова и с иронией ощутила мгновенный прилив симпатии к этому хмурому мужчине, которого разговор о чужих детях тоже совсем не вдохновлял.

Однако спасение пришло к ним само: появилась одна из нянечек и вкатила сервировочный стол, на котором громоздились тарелки с обедом для пациентов.

Тут засобирались на выход все. Полковник решил вернуться к делам, Паслён вдруг вспомнил о бумагах, а сама Лета отправилась в уже знакомую ей больничную столовую. Стоило бы определиться, как им с Вольновым сосуществовать дальше, потому что номер в гостинице был однокомнатным, а находиться им лучше поблизости, однако это вполне терпело час-другой.

— Ведан, погоди! — пациент окликнул командира на пороге. — На пару слов.

Тот не стал возражать, дождался, пока нянечка с гремящей посудой уйдёт, и вернулся на своё место.

— Чего тебе? Я же говорю, с остальными всё более-менее, мне уже отчитались и всех показали, — заговорил он. — Я только не понял, девчонке-то зачем соврал? Это же не тайна.

— Тайна не тайна, а в любом случае не её дело, — отмахнулся Яроплет. — Никто из наших ничего странного не заметил? Тебе не говорили?

— О чём? — нахмурился полковник. — Ну что хлыстоноги стаями не собираются, а тут вдруг трое вылезли, я в курсе, но демоны знают, что их к этому подтолкнуло. Вон теоретики пусть разбираются, — он выразительно кивнул на дверь, за которой скрылись оба врача-сило-вика. — Что в трещину забились — так это с ними часто перед непогодой. А вроде больше ничего.

Феникс ответил на это недовольной гримасой.

— Теоретики эти... Я о другом. Они слишком слаженно действовали втроём. Слишком чётко.

— Хочешь сказать, они умнеют? — с сомнением предположил Ведан. — С чего бы? Такие странности в поведении разных тварей изредка фиксируются чуть ли не с образования Разлома. Вам просто не повезло.

— Вообще я бы предположил, что ими кто-то управляет.

— Я не спрашиваю как. Мне больше интересно зачем? — скривился полковник. — Яр, этим сказкам про армию чудовищ, во главе которой великий злодей пойдёт на столицу, лет как Разлому. Ты не хуже меня понимаешь, что это глупость. Армию сначала надо где-то собрать, кормить, обеспечивать порядок... Да от скопища тварей так будет фонить, что никаких маскирующих чар не хватит. Отдельных тварей всегда пытались ловить и приручать, только кончалось это неизменно плохо для дрессировщика. А уж хлыстонога...

— Я всё это понимаю, — нехотя признал Яроплет. — Но там что-то было, понимаешь? Я верю своему чутью.

— И что именно? — вздохнул Ведан, который чутью боевика тоже верил, но тому, что он говорил после ранения, не очень.

Нечто подобное мерещилось многим, бывало такое и с самим полковником во время полевой службы, но ещё ни разу на его памяти эти рассуждения не несли под собой прочного основания. Просто людям свойственно искать систему в том, что никогда её не имело.

— Не помню, — нехотя сознался Яроплет. — То ли звук какой-то, то ли чужие чары, то ли на снегу... Я на пацана отвлёкся.

— А я тем более не знаю! — Полковник развёл руками. — Яр, я не буду утверждать, что тебе почудилось, вообще спорить не буду. Но предпринимать меры на основе того, что кому-то одному невесть что привиделось, сам понимаешь...

— Понимаю, — поморщился феникс. — Это правда звучит бредово. Но...

— Если вспомнишь что-то существенное — сообщай. Только с расспросами не усерд-ствуй, панику не поднимай, пока никакой конкретики нет.

— Постараюсь.

— Вольнов! — голос командира построжел, взгляд — потяжелел.

— Сказал же — постараюсь. Но спрашивать буду.

— Разжаловать бы тебя за неподчинение приказам, — вышло у Ведана мечтательно.

— Вперёд, я с радостью! — заявил Яроплет. — Дальше Разлома не пошлешь, ниже рядо-вого не разжалуешь. А желторотиков небось сам натаскивать станешь, тряхнёшь стариной! Да ладно, не ворчи, мы оба знаем, что это был не приказ, а рекомендация.

— Не успокоишься? — вздохнул Золотов. Феникс в ответ только выразительно развёл руками, и полковник поднялся. — Демоны с тобой. Надеюсь, эта столичная силовичка достанет тебя хотя бы вполовину так, как достал меня ты.

— Это вряд ли, — легко рассмеялся Вольнов и наконец остался наедине с обедом.

Готовили в госпитале неплохо, но диетически. Овощной суп на лёгком курином бульоне, паровые куриные котлеты... Яроплет съел всё до последней крошки хлеба и не поморщился, разве что тарелку не вылизал, но желание оказаться дома усилилось кратно. Готовить он умел очень ограниченный набор блюд и безо всяких изысков, этакий холостяцкий набор, но для жизни хватало. Сейчас бы свежего мяса, парного, нежного, несколько кусков, молотком отбить, солью-перцем посыпать да на сковородочку...

Прикончив обед и разогнав мечты до лучших времён, феникс решил, пока его оставили в покое, внимательнее оценить собственное состояние. Будучи опытным пациентом хирургического отделения, он прекрасно знал, что такие вещи лучше делать наедине с собой, чтобы не позориться перед случайными медсёстрами, врачами и посетителями.

Первым делом он медленно сел на койке, свесил ноги. Переждав приступ дурноты и не грохнувшись обратно на постель, огляделся. Обувь ему никакой не оставили, даже одноразовых больничных носков-тапок, и это был минус. Но был и плюс: он оказался одет в пижамные больничные штаны — свободные, совершенно дурацкой расцветки, светло-серые в мелкую бледно-розовую клетку, но зато не голый. Вольнов не постеснялся бы и без одежды дойти туда, куда надо, но здраво оценивал возможную реакцию окружающих.

Сидя он передёрнул плечами, покрутил головой. На глубоких вдохах в груди поскрипывало и рассыпалось мелкими колючками боли, но не такой сильной, чтобы всерьёз обращать на это внимание. Внутри зияла непривычная пустота, как будто он забыл что-то большое и важное, и вскоре Яр сообразил: проблема в магии, которой он не чувствовал. Ему уже доводилось выгорать, слишком сильно выложившись, но сейчас казалось, что тогда ощущения были слабее. Кажется, в этот раз его и правда спасло только чудо.

Но заикливаться на этом Яроплет не собирался. Внимательно оглядев татуировку на груди, он не сдержался от брезгливой гримасы и пробормотал себе под нос:

— Демоны сожрите этого хлыстонога, опять Лорку ловить... И где её искать перед Длинной ночью?

Милорада, художница, которая набивала ему татуировки, каждый раз грязно ругалась, в очередной раз восстанавливая повреждения, но пока не отказывалась. А феникс упорствовал. Серёжки и кольца он перед каждым патрулём благоразумно снимал, а татуировки, в отличие от них, переживали стадию светоча, воспринимаясь как часть тела. Если бы ещё восстанавливались вместе с ним...

Именно это он отвечал Лоре каждый раз, когда просил залатать дыры в рисунке: если она придумает татуировку, которая будет восстанавливаться вместе с кожей, он наконец оставит её в покое. После этого Милорада посылала феникса куда подальше и бралась за работу.

Связаться бы с ней и успеть всё исправить до отправки на место, как раз пара дней есть, да только как? Птичку без магии не отправишь, а зеркало дома лежит. Популярная и очень удобная зеркальная линия, изобретение соседей из Белого лепестка, в Зелёном развивалась стремительно, но с ограничениями. Справедливо подозревая подвох, а его всегда подозревали в том, к чему приложили руку менталисты, зеркала разрешали только для личного общения и подальше от всех более-менее стратегически важных объектов. Так что иметь зеркало Яроплету никто не запрещал, а вот пользоваться им получалось нечасто: заставка входила в длинный список ограничений.

Оставалось или ждать вечера и выписки, то есть терять полдня, или попрошайничать. Он не помнил, имелось ли зеркало у Хладана Бочкина, его врача и друга, но надеялся на положительный ответ.

А пока тот не пришёл, неплохо бы немного размяться.

С этой мыслью Яроплет поднялся на ноги. Слабые, нетвёрдые, да и в глазах тут же потемнело, но — нет, нормально, удержался. Постоял, привыкая и пошатываясь, опять двинул плечами. На пробу сделал несколько шагов, успешных. Устойчивость и реакция оставляли желать лучшего, но на медленный круг по палате хватило. И на то, чтобы дойти до двери, тоже.

Феникс задумчиво посмотрел на собственные босые ступни, пошевелил пальцами и прислушался к желаниям тела. Идти до туалета по коридору босиком не хотелось, но не уткой же пользоваться, которая лежала под кроватью! Ничего, разомнётся, бывало хуже.

Путь по коридору и обратно изрядно вымотал, как выматывал редкий патруль. Так что до палаты Яроплет буквально дополз, обливаясь потом и радуясь, что никому до него нет дела. Добравшись, упал на койку, вытянулся поверх одеяла и с минуту лежал, приходя в чувство. Думалось ему о том, что возвращение домой точно подождёт несколько часов, и вообще где там его укрепляющая капельница? Вслух бы он не признался в этой слабости, но если его и так не отпускают до вечера...

Немного отдышавшись, он устроился поудобнее и позволил себе задремать, всё равно других занятий сейчас не было.

Глава 3. Общее состояние

Долго проспять не удалось. Ввалившаяся вскоре парочка очень старалась двигаться тихо, но, несмотря на квалификацию, это не получалось: обоих душил смех, с которым они успели шумно потолкаться на пороге, так что не заметить их у Вольнова не осталось никаких шансов.

Гармония противоположностей: громогласный, большой и лохмато-белобрысый Белогор Лебедев и тихий, сдержанный, молчаливый Всеслав Мысик — весь целиком узкий и длинный, с коротким ёжиком каштановых волос.

— Ага, это мне, что ли, больше всех повезло? — вместо приветствия спросил Яроплет, с интересом разглядывая Белогора, который ходил в этот патруль с ним вместе. Боевой товарищ выглядел бодрым и свежим, как хорошо выспавшийся и здоровый человек.

— Привет, Плётка! — хором отозвались оба, и продолжил уже один Белогор: — Ты точно в лидерах. Ещё Лопатина долго собирали и этого, молодого, которого ты из-под хлыстонога выдернул. Я всё никак фамилию не запомню... Зюзя?

— Жужа, — с укором поправил его Всеслав.

— Неважно. Везучая зараза он. Почти как ты, но ты больше. Я уж подумал, ты в этот раз всё, допрыгался, светоч еле тёплый был. Всё-таки хороши наши костоправы, ничего не скажешь. И портал отлично сработал.

— Погоди, давай по порядку, — оборвал его Яроплет. — Что было после того, как я отшвырнул Жужу и схлопотал прямой удар?

— А, ну слушай...

И Белогор охотно, в красках, живописал батальное полотно, как патрульные расправлялись с оставшимся хлыстоногом. Впрочем, честно уточнив, что рассказывал он со слов товарищей, потому что сам Лебедев в это время добрался до светоча, который остался от феникса, и прыгнул порталом в госпиталь.

— Спасибо, — коротко кивнул Яр.

— Да не за что, там всё равно всё интересное уже кончилось, — улыбнулся Белогор. — Тем более неизвестно ещё, кто кого спас и справились бы мы без твоего сольного выхода или нет. Одним ударом сжечь хлыстонога целиком — это, знаешь ли, дорогого стоит. Да и второго ты здорово покалечил откатом, когда он тебя приложил, так что нам, считай, один остался.

— Да ерунда, это же хлыстоноги. Если бы мы сразу поняли, что их трое, вообще обошлось бы малой кровью. Кто ж знал, что они способны на такие хитрости!

— Яр, прости меня, — вдруг подал голос Всеслав. — Я себе до сих пор простить не могу, что так тебя подставил... Хорошо хоть, без жертв обошлось!

Мысик отпрашивался в город по уважительной семейной причине: пропивал сестру, которая позавчера выходила замуж. Начальство к таким вещам относилось снисходительно и шло навстречу дисциплинированным и надёжным бойцам, к каковым Всеслав относился без оговорок. Имелось только одно непреложное условие: о подмене в патрулях договариваться самостоятельно.

Яроплет вызвался охотно и сам. Всё равно у него ещё не истекла воспитательная кварта без увольнительных, которой подчинённого за неоправданный риск приглубил начальник заставы, а других развлечений у Разлома и не было. Командир почти сразу понял, что сгоряча и не подумав выбрал далеко не самое подходящее фениксу наказание, но на попятную не пошёл, так что оба делали вид, что всё нормально и никакого логического противоречия в этом наказании нет.

Против замены начальник заставы тоже не возражал: патруль был «учебный», по простому маршруту, куда обычно отправляли новичков для первой обкатки. Там очень редко попадались серьёзные твари, и кто же мог угадать, как всё обернётся!

— Не пори горячку, — поморщился Яр. — Отделались лёгким испугом. А мне вообще стыдно жаловаться, когда ещё выбьешь из Золотова внеплановый отпуск! Увеселительные прогулки, красotka под боком — да я должен сказать тебе спасибо!

— Вообще, тебе все мы должны сказать спасибо за эту подмену, — поддержал Белогор. — Ещё неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы с нами не было Плётки с его запредельной мощью. Хотя известно: ничем хорошим... А ты о какой красотке?

— Завидуешь? — ухмыльнулся Яроплет. — Правильно, завидуй. Меня при лечении привязало щенячьим поводком к столичной гостье. Будем развлекаться. Я ей — обзорную экскурсию и роскошные виды Разлома, она мне — стабилизацию дара и быстрое восстановление. И ещё что-нибудь, по обстоятельствам.

— Знаем мы твои обстоятельства. — Пограничники обменялись выразительными взглядами. — Как это получилось вообще? Со сцепкой.

— Да Творец знает, почему меня заклеивал не Паслён, а она! Может, у них там какой-то обмен опытом, кто их целительские штучки поймёт. Но я не внакладе, лучше она, чем Даровой.

— Жаль, в операционную посторонних не пускают, — вздохнул Лебедев. — Я бы посмотрел. Силовики с потоками работают так, что позавидуешь, не чета нам.

— И что бы ты там понял? — удивился Яроплет. — В тонких-то чарах.

— Что-то бы и понял, а что не понял... Чтобы любоваться картиной, не обязательно понимать, как она написана!

— Да ты поэт, — улыбнулся Всеслав и обратился к раненому: — Столичная правда красotka или после квартиры без увольнительных?

— Где-то между, — после секундного раздумья хохотнул Яроплет. — Мордашка милая, фигура вроде ничего, но объективно — не высший балл. Зато характер!

— Ты когда про характер-то успел узнать? — с иронией спросил Белогор. — Ты же только недавно, говорят, очнулся? Неужели?..

— Когда она мне с разворота локтем в нос двинула, — с удовольствием сознался Яр.

— Это однозначно успех! — весело переглянулись гости.

— Главное, не скучно, — пожал плечами пострадавший. — Тем более сама же и залатала. Ещё вопрос, ни у кого при себе нет связного зеркала?

— Не догадался, — ответил Всеслав, а второй товарищ только выразительно развёл руками. — А что?

— Хотел татуху поправить, пока мы в городе, — выразительно поморщился Яроплет. — Нет так нет. Белка, а ты, когда меня вытаскивал, ничего необычного не заметил?

— Откуда я знаю, что ты считаешь необычным? — растерялся тот. — Что три хлыстонога одним прикинулись, это обычно или нет? Или что ты так по ним жажнул, что нам осталось только собрать останки?

— Менее масштабного, — отозвался Яр. — Мне показалось, там что-то было...

— Да там вообще много чего было, — хохотнул Белогор.

— Имею в виду, что-то, чего не должно было быть. Я пытаюсь вспомнить, но плохо получается. Не могу поручиться, что я не выдумываю, а действительно вспоминаю. Но по-моему там были какие-то чужие чары. Не то на пацане, не то рядом. Или на снегу. Следы, вещь... да говорю же, не помню!

— Не обратил внимания, — после короткого раздумья неуверенно качнул головой боевой товарищ. — Я больше на тебя и хлыстонога смотрел, а не на окрестности, извини.

— Да я не в убытке, — с улыбкой признал Яр. — И на Жуже сейчас уже не осталось следов после портала и того, как его здесь подлатали...

— А почему тебя это так заинтересовало? — озадачился Белогор. — Даже если и было, мало ли? Думаешь, какой-нибудь очередной новичок к Разлому пробрался? Так и Разлом ему прахом!

— Тебе не показалось странным поведение тварей? — поколебавшись, всё же ответил Яроплет. Золотов просил помалкивать и не запугивать окружающих, но вдруг Белка, если ему всё объяснить, сумеет вспомнить? — Не только то, что они слаженно действовали втроём, а вообще. Несвойственно туповатым хлыстоногам.

— К чему ты ведёшь? — гости опять переглянулись, теперь насторожённо.

— Это очень похоже на организованную ловушку. Я бы даже предположил, что тварями кто-то управлял. Понятия не имею, какую цель преследовал, но если кто-то подобному научился — у нас проблемы.

— Ты Золотову говорил? — нахмурился Белогор.

— Конечно. Только он не принял всерьёз. Выслушал, даже идиотом не назвал, но справедливо указал на отсутствие фактов. Мол, каким бы я ни был чудесным, со всех сторон замечательным и талантливым парнем, для расследования нужно что-то существенное смутных подзрений. Он прав, чутьё к отчёту не подошьёшь, а я даже внятно вспомнить не могу, — Яроплет недовольно поморщился. — Но ты подумай, вдруг всплывёт? А я постараюсь в ближайшем будущем добраться до места стычки. После метели там вряд ли останется что-то полезное, но может на местности вспомню.

— А ты не на ровном месте поднимаешь панику? — Всеслав задумчиво качнул головой. — Как-то сомнительно всё это выглядит.

— Я лучше перестрахуюсь, — не стал настаивать на собственной правоте Яр.

— Ты головой не ударялся? — рассмеялся Белогор. — Откуда такая предусмотрительность?

— Добрин каждый раз просит меня думать наперёд, — весело отозвался феникс. — Решил попробовать.

— Да, самое главное! — опомнился Всеслав. — Мы же к тебе не просто так! Где?..

— Точно! — поддержал его товарищ и стащил с плеч рюкзак, про который успел забыть.

— Неужели вы принесли выпить? — заинтересовался Яроплет.

— Лучше! Мы принесли способ до этого всего добраться, — возразил Белогор, выкладывая на край постели одежду. — Мы зашли к тебе домой, соседка любезно открыла и зорко проследила, чтобы лишнего не прихватили.

— Вот это здорово, вот это от души! Спасибо!

Правда, воспользоваться принесёнными благами Яр не успел: явилась пожилая строгая медсестра с капельницей и выставила гостей. Пациент для порядка поворчал, что чувствует себя вполне неплохо, но от процедуры не отказался. Тем более следом за медсестрой явился ещё один посетитель, и Яроплет порадовался своей покладистости: лечащий врач насчёт его самоуправства не смолчал бы, а на активное противостояние с ним сейчас не хватило бы сил.

— Тебя точно Творец поцеловал при рождении, — вместо приветствия прогудел Хладан — низко и солидно, словно большой старый паровоз, с которым друг ассоциировался у Яра с самого первого знакомства.

— Сначала, видимо, уронил, а потом извинился, — рассмеялся в ответ Вольнов и протянул для рукопожатия левую руку. — Извини, не встаю.

— Это правильно, не мешай нам ставить тебя на ноги, раз уж выжил.

На несколько секунд возникла пауза, пока врач разговаривал с медсестрой, а потом Хладан подтянул стул поближе, и тот жалобно скрипнул, принимая на себя немалый вес целителя. Жизнь у этого стула сегодня не задалась: сначала Золотов, потом Лебедев, теперь этот — один другого тяжелее.

— Как тебе выздоравливается?

— Медленно, — честно ответил Яр.

— Ну ты нахал! Вчера чуть к Творцу на суд не отправился, сегодня уже сам ходит — и ещё чем-то недоволен! — проворчал целитель, с интересом просматривая последние записи в карточке больного.

— Да по вашей части никаких претензий, меня больше магическая ограниченность беспокоит. И я не понял, где бродит мой стабилизатор? Как утром ушла, так до сих пор и не вернулась.

— У Дарового в кабинете, кажется, что-то с её начальником обсуждают. Оно и к лучшему, тебе бы сначала каркас и физические силы восстановить, прежде чем накачиваться силой и восстанавливать контроль. Так что лежи и наслаждайся отдыхом.

— Это не отдых, это трата времени. А вот как заберу свой стабилизатор и ограничитель домой, так сразу и начнётся! Надо не забыть сказать спасибо Даровому, что он отвернулся и сцепило меня с рыжей кошечкой. Его общество на протяжении двух декад я бы точно не выдержал, так что было очень мило с его стороны уступить место девушке.

— Ты лучше госпожу Горскую благодари, что она не успела вернуться домой, — Хладан не поддержал его дурашливый тон и нахмурился. — Паслён не сумел тебя вытянуть.

— О чём ты? — озадачился Яр.

— Я читал протокол операции и говорил с Даровым. Он не смог залатать повреждённый светоч, а Горская — сделала. Она действительно мастер, силовик исключительного таланта. Со сцепкой только непонятно, я понятия не имею, почему она возникла. Чтобы ты настолько открылся...

— Так почуял же! — разулыбался Яр. — Там и фигура, и...

— Избавь меня от этого, — поморщился Хладан. — И болтовню свою для молодёжи оставь, я тебя слишком хорошо знаю. В душу лезть не буду, знаю, ты не любишь, но прошу: не увлекайся!

— Обижаешь, — поморщился Яроплет. — Когда это мной женщины были недовольны?

О том, что как раз Горская наверняка была, он умолчал. Одно дело за глаза восхищаться фигурой и прочими прелестями некой прекрасной особы, и совсем другое — без разрешения озвучивать такие подробности её прошлого. Этот вопрос он как-нибудь решит с ней наедине.

— Лучше вот что скажи, — феникс предпочёл перевести тему. — Парнишка-первогодок, Жужа фамилия. Он здесь или уже выписали?

— Которого ты из-под хлыстонога вытащил? — уточнил Хладан. — Здесь. Не терпится устроить головомойку?

— Сам до душа дойдёт, — фыркнул Яроплет. — Вопрос у меня к нему, по делу. Далеко он?

— В соседней палате, — после короткой паузы всё-таки ответил целитель. — После капельницы можешь дойти. То есть стоило бы пару часов полежать, но ты же всё равно потащишься, так?

— Уж до соседней палаты доползу, — отмахнулся Яр. — Тогда последний вопрос. У тебя есть переговорное зеркало?

Целитель проворчал, но зеркало дал. Яроплет по такому случаю даже не стал язвить о причинах предусмотрительности: ясно же, о жене и новорожденных близнецах волнуется и готов в любой момент сорваться с места. Счастливая семейная жизнь — она такая, требует пристального внимания.

По счастью, Лора оказалась в городе и на праздники никуда не умчалась. Яроплету она не очень обрадовалась, громко ругала его безалаберность, но, когда он заверил, что пострадал только феникс, смягчилась: стилизованный узор было проще поправить, чем художества на плечах. Даже согласилась заняться им сегодня, сразу после выписки. Хладан, слушавший переговоры, только укоризненно качнул головой в ответ на такие планы друга, но спорить не стал.

Какое-то время после ухода целителя Яр воспитывал в себе терпение и выдержку, и хватило их ровно на полчаса: через столько закончилась капельница. Ещё минут пять он поборолся с искушением самому выдрать иголку и пойти заниматься делами, а потом вернулась медсестра, забрала всё лишнее и велела больному отдыхать. Тот угукнул и, когда женщина вышла, полез в тумбочку, куда припрятал принесённую друзьями одежду.

От резких движений вело, в груди продолжало неприятно хлюпать и похрустывать, а когда очередь дошла до шнурков на ботинках, оказалось, что и руки плохо слушаются, пальцы заплетаются и подрагивают. Но со шнурками Яроплет управился, сложнее оказалось без зеркала, дрожащими пальцами распахать по нужным дыркам серёжки, коробочку с которыми Белогор — вот же добрый человек, спасибо за предусмотрительность! — тоже прихватил. Запасной комплект, их было несколько на всякий случай. Но Яр справился, не поддавшись искушению повалиться в постель и немного отдышаться под предлогом целительских рекомендаций. Ещё чего не хватало!

Нелепую фамилию Жужа носил совсем молодой мальчишка, едва ли двадцати лет. Неуверенный ломкий голос дрожал и срывался, а на своего спасителя парень смотрел с таким нездоровым восхищением, что Яроплету очень хотелось взять его за шкирку и хорошенько встряхнуть. Его можно было понять, страху натерпелся, первый раз смерти в глаза заглянул, но Яруто требовалось совсем не это!

Проговорили они с полчаса, очень сложные полчаса, но оно того стоило. Делиться подозрениями феникс не стал, это не проверенные опытные товарищи: Жужа так трепетал, что скорее начал бы не вспоминать, а выдумывать. Помнил он не так уж много. Щупальца, резкий кислый запах, который до этого сбивал ветер, шипы, их скрежет по камню, леденящий душу свист...

Вот тут Яр подобрался. Хлыстоноги трещали шипами, иначе шумели при передвижении, но не имели органов для даже самого примитивного подобия вербальной коммуникации и не издавали целенаправленно никаких звуков, доступных человеческому восприятию, даже восприятию перевёртышей в звериной форме. А свист слышал и Яроплет, который вспомнил его сейчас, после слов мальчишки. Переливчатый, слишком долгий и повторяющийся без изменений.

Кто-то из своих пытался отвлечь тварь или привлечь внимание товарищей? Надо уточнить у Белогора и остальных, кто видел картину целиком и мог слышать. Хотя звуки в горах обманчивы, сложно судить, откуда принесло тот или иной, да и эхо порой шалит, но Яр мысленно согласился с мальчишкой: свист донёсся не от оставшихся позади пограничников. От хлыстоногов? Или просто с их стороны?

Короткая, простая мелодия на четыре ноты. С равной вероятностью подобную мог издать человек, случайная птица или несмазанные дверные петли. Яроплет негромко повторил, и Жужа аж подпрыгнул от неожиданности, сразу подтвердив, что слышал именно такой звук.

Больше он ничего не вспомнил и самого Яра ни на какие мысли не натолкнул, так что феникс оставил пострадавшего отдыхать и набираться сил, а сам вернулся в пустую палату, насвистывая короткую мелодию. Несмотря на то, что звук этот был простым, списать его на случайность и какой-то неудачно застрявший в щели между камнями шип хлыстонога не получалось. То есть Яроплет не сомневался, что если рассказать об этом командиру, тот именно так и поступит, и будет по-своему прав. Но что делать с собственным чутьём, которое в голос вопило, что это важно?

В палате Яр завалился на койку, не раздеваясь и не разуваясь, закинув ноги в ботинках на спинку кровати в изножье. Он только представил, что их сейчас надо будет расшнуровать, а потом — обувать обратно, и сразу понял, что лучше немного побыть некультурным, чем так мучиться. Заложил руки за голову, прикрыл глаза и опять сосредоточился на недавних событиях.

Скалы и их обломки вокруг, присыпанные снегом. Широкое ущелье. Ветер гудит и швыряет в лицо мелкие колючие льдинки — там в это время всегда так, пока ветер не переменится. Жёсткий наст, заструги кое-где в рост человека, — на нём никаких следов, да и не может их остаться.

Впрочем, нет, следы есть. Кое-где заструги слизаны против ветра. Мелкие осколки слежавшегося снега уже давно унесло, да и более крупные раскатило — ночью ветер был особенно сильным, они перед выходом обсуждали защиту. Значит, что бы ни случилось, произошло оно раньше, ещё вчера. Что именно? Прочитать следы не удавалось, а смотреть магические обрывки вблизи Разлома бесполезно, слишком сильный фон, все мелкие остатки быстро тают.

Яроплет с командиром отряда едва не обнюхивают заструг. Командир так и буквально — он волк, на нюх не жалуется, — но уловить ничего не получается. И предположить, что здесь произошло, тоже.

Белогор, замком, что-то увлечённо объясняет ещё одному мальчишке. Они замыкают отряд, остановились в отдалении, но — на виду, всё по правилам. Последний офицер, Слепов, в стороне с внимательностью наседки зорко следит за остальными тремя мальчишками. Жужа и ещё один по инструкции прошли немного вперёд, оглядеться. Всё правильно: впереди боец в зверином обороте, маг на десяток шагов позади, прикрывает.

А вот после...

Хруст наста, этот проклятый свист, вскрик прикрывающего молодого мага — всё одновременно, и непонятно, что было раньше, и вот уже всё ущелье заполнили копошащиеся плети хлыстонога. Много, очень много, текут вдоль стен ущелья, и не сразу понятно, что это не одна тварь.

Потом... Повторился свист или ему кажется? Прикрывающий маг замер, парализованный страхом — можно понять, не каждый раз у тебя перед носом буквально из воздуха возникает такое. Не из воздуха, конечно, из широкой трещины в скале, куда тварь забилась, и там её занесло снегом, но сейчас не до объяснений.

Яроплет метнулся вперёд на инстинктах. Нестабильный щит, всё же поставленный молодым магом над боевым товарищем, смёл сам: такие вещи против хлыстонога бесполезны, но стоила уважения попытка.

Жужу задело шипами на излёте. Потом уже Яр добежал, за шкуру отшвырнул щенка назад — на чистом адреналине и магии, весил молодой волк изрядно, вряд ли в спокойном состоянии феникс смог бы повторить, — ударил...

Сейчас казалось, что важное было там, между броском, рёвом собственного пламени и плетью второго хлыстонога, протаранившей грудь. Что-то. Не свист. Свист раньше, точно раньше, и пусть повторялся, и пусть непонятно, откуда взялся вообще, но не только он. А память зацепилась за звук и отказывалась выдавать что-то ещё. Ощущение? След? Магия? Запах?.. Нет, запах вряд ли. Если волк чуял только вонь хлыстонога, то где уж Яру заметить!

Было или нет?

И кто или что свистело? Сначала — почти в момент нападения твари. Потом — когда феникс уже оказался рядом с волком. И ещё раз, перед ударом плети по груди.

И почему не получается поверить, что это просто ветер между камнями? В той щели, откуда выпали хлыстоноги. Мнительность? Или всё же что-то было?..

— Я так понимаю, тебя уже выписывают? — женский голос заставил Яроплета дёрнуться от неожиданности, но от недовольной гримасы и ругательства он сумел сдержаться. Да, рыжая сбила с мысли, но вряд ли он додумался бы до чего-нибудь прямо сейчас. И вообще, может, отвлечься сейчас — самое правильное, а там что-нибудь путное в голову придёт.

— Я готов хоть сейчас, но ты же знаешь этих целителей. — Яр невозмутимо уронил ноги со спинки в сторону и по инерции сел. В глазах на несколько мгновений опять потемнело, но своего состояния Яроплет не выдал, и Горская ничего не заметила.

Она стояла в метре, ближе к закрытой двери. Тёплые зимние сапоги до колен, прямая юбка на ладонь выше, поверх — медицинский халат. Великоватый, явно не её, а он поначалу не обратил внимания. Руки в карманах халата, взгляд насмешливо-неодобрительный.

— Надо поймать Хладана, — решил Вольнов. — Он поворчит, но отпустит. Зайдём в гостиницу за твоими вещами, потом ко мне. Квартира маленькая, но всё нужное есть.

— Ладно, — после короткой паузы ответила Летана и пошла к соседней койке, собирать свои записи.

— Ладно? — уточнил приятно удивлённый феникс. — И всё?

— А чего ещё ты ждёшь? — Горская глянула через плечо. — Благодарить как будто не за что, возмущаться тоже. Это хороший вариант. Лучше, чем брать новый номер в гостинице.

— Хм. Как объяснили знающие люди, благодарить всё-таки нужно, но мне тебя, а не наоборот. — Яроплет поднялся с постели, заложил большие пальцы за ремень брюк, не спеша приблизился к женщине. — А вот отсутствие возмущения, негодования и требований вести себя прилично озадачивает. Даже немного разочаровывает.

Лета обернулась, обняв небольшую стопку листов и скрестив на ней руки, смерила феникса взглядом с ног до головы. Неопределённо пожала плечами.

— А зачем? Причин бояться у меня нет, а даже если бы были, сцепка не позволит лишнего.

— Даже если я скажу, что кровать у меня всего одна, хотя и широкая? И откажусь обещать к тебе не приставать? — с улыбкой спросил Яр, глядя на Горскую сверху вниз с большим интересом и тщетно пытаясь вспомнить какие-то новые детали их прежнего общения. Но образ отказывался становиться менее мутным.

Зато новый складывался интересный. Летана смотрела прямо в лицо, не смущалась и не отводила глаза, но старалась ещё больше выпрямиться: она явно чувствовала себя неудобно рядом с рослым боевым магом, несмотря на то что держалась очень неплохо. И от этого Яроплету нравилось дразнить её ещё больше.

И голос. Ему нравился её голос. Не слишком высокий, глубокий, бархатистый. Она неплохо пела; это было единственное, что он вспомнил совершенно отчётливо.

— Ты можешь пообещать что угодно, но лучше сразу смирись, что отношения будут сугубо деловыми.

— Я не в твоём вкусе? — ещё шире улыбнулся Яр.

— Да, — попыталась закончить глупый разговор Летана, но никакого впечатления на феникса это не произвело.

— Это здорово, так даже интереснее, — заявил он.

Пару секунд Лета ещё пыталась его переглядеть, а потом сообразила, что вот так бодаться лоб в лоб — не лучшая тактика, и попыталась её сменить. Обошла Вольнова, старательно делая вид, что это не вызывает внутреннего напряжения. Она уговаривала себя, что он не станет её хватать, а даже если станет, сцепка позволит остановить в любой момент, но всё же рядом с малознакомым и подавляюще крупным мужчиной, столь откровенно демонстрирующим интерес, было не по себе. Мало ли что взбредёт ему в голову!

Однако перегибать феникс не стал и руки распускать — тоже, позволил Лете прошмыгнуть мимо и с независимым видом занять многострадальный стул.

— Тебе лучше полежать, пока не выпишали. После такого серьёзного истощения надо поберечься, — проговорила она и спросила, не позволив высказаться на эту тему: — Заберём вещи и?.. Ты думаешь, метель к завтрашнему дню кончится?

— Да Творец знает, — отмахнулся от вопроса Яр, прошёл к постели и плюхнулся на неё, опять закинув ботинки на спинку, а руки — за голову. — Надеюсь. Ещё сходим вечером в гости к одной прелестной женщине, я уже договорился, а дальше на всю ночь я твой. И дальше, до Длинной ночи, тоже полностью в твоём распоряжении, а потом и после неё, если потребуется.

— Что за женщина? — спросила Лета нейтрально, сумев сдержать первую реакцию.

Каким бы он ни был бабником и... фениксом, вряд ли действительно первым делом, едва очнувшись, помчится к любовнице, да ещё в компании прицепленной к нему посторонней женщины. Сбрасывать со счетов эту версию Летана не спешила, но и рассматривать как единственную не собиралась. Скорее уж Вольнов продолжал её дразнить и речь шла о чём-то безобидном.

— Увидишь, — усмехнулся Яроплет и прикрыл глаза.

Повисла неловкая, давящая тишина. Давящая на Летану; феникса такие вещи, кажется, не трогали вовсе. А целительницу возрастающее чувство неловкости раздражало.

Несколько часов назад, когда Вольнов только очнулся, всё шло нормально. Ну попытался облапить, получил в нос, всё в порядке, тем более заслуженный удар он встретил достойно, без возмущения и нытья. Да и потом, когда узнал её и не повёл бровью, она тоже чувствовала себя спокойно. Даже порадовалась, что проблем и претензий с его стороны не будет и что бывшему возлюбленному хватило воспитания не вдаваться в подробности их прежних отношений.

Потом обед, потом всякие мелкие дела, и разговоры, и научный руководитель, и Даровой — опытный силовик, с которым очень легко находились общие темы для общения. А потом Лету, когда она допивала третью чашку чая в кабинете болтающего о достижениях современной науки и магии Паслёна, накрыло осознанием: она поняла, что невольно оттягивает момент, когда придёт в палату и останется наедине с Вольновым, и не сразу сумела объяснить себе почему.

Летана не ждала от феникса серьёзных гадостей, может кроме неприличных намёков и скользких шуточек, но эти мелочи не сумели бы всерьёз вывести её из равновесия. И смущением назвать это чувство не получалось, да и чего смущаться? Да, она была в него влюблена, но сколько воды с тех пор утекло! И ведь не единственный возлюбленный, с которым жизнь развела, а потом столкнула, но в других случаях это происходило легче.

И ничего дурного она не сделала, чего стыдиться? Скорее, ему должно быть стыдно за тогдашнее поведение, но и то... Она на самом деле не сердилась на него за ту историю. Творец, всё это случилось больше десяти лет назад! Они оба были тогда подростками с ветром в голове, какой ответственности можно требовать от мальчишки, влюблённого в другую и обиженного на неё?!

Нет, это был не стыд, не обида и уж тем более не жажда мести. Лучше всего подходили слова «неловкость» и «растерянность». Столько лет прошло, они оба уже совсем не те. Чужие, ненужные друг другу люди, которых связал невзрачный кусочек прошлого и случайная сцепка, может возникшая именно потому, что где-то в подсознании остались глубоко запрятанные воспоминания.

Неспешно двигаясь от кабинета главного силовика в палату хирургического отделения, Лета пришла к выводу, что эта неловкость тоже из прошлого. Потому что тот общий кусочек, который их связал, по совести не получалось назвать не то что романом, но даже более расплывчатым словом «отношения». Нечто маленькое и жалкое. Декада пьяных жалоб обиженного парня, её собственные никчемные сочувствие и навязчивость, неуклюжий и неприятный первый и единственный секс. Не ужас, не катастрофа, но...

Неловко. И Лета понятия не имела, как со всем этим бороться, но надеялась, что общение с нынешним Вольновым сгладит это ощущение и заменит на что-то иное. Не обязательно хорошее, но сейчас казалось: что угодно будет лучше приветом из прошлого.

К её приходу феникс успел одеться, он развалился на койке вольготно и расслабленно, закинув длинные ноги в высоких подбитых металлом ботинках на спинку кровати. Ботинки были чистыми, но Лета всё равно машинально качнула головой с немим укором.

Выше ботинок имелись чёрные штаны с большими карманами на бёдрах и тёмно-серыми вставками какого-то другого материала на коленях, которые прекрасно подходили к осталь-

ной наружности и держались на плоском животе ремнём с массивной, кажется, серебряной, пряжкой. Выше из одежды была только расстёгнутая чёрная жилетка с высоким воротником. И серебряные серёжки, да. Гвоздик и два колечка в брови, ещё три, шире и тяжелее, в ухе. Кажется их покрывала какая-то вязь, но разглядывать Лета посчитала неприличным. А вот рубашки фениксу не досталось, но он явно не испытывал по этому поводу беспокойства.

Зато испытала Горская. Она не привыкла к обществу полуголых мужчин, если мужчины эти — не пациенты и не участники экспериментов. Это было странно и неприлично, и попытавшаяся вернуться к своим записям Летана постоянно ловила себя на том, что взгляд непроизвольно цеплялся за непривычную и неуместную деталь чужой внешности. И злилась на себя, потому что приходилось постоянно следить за лицом и контролировать взгляд.

Немного облегчало ситуацию то, что феникс был хорошо сложен и безупречно развит физически, и вид этот не внушал отвращения, но попросить его прикрыться всё же хотелось. Правда, Лета даже пытаться не собиралась: кроме насмешки, никакой реакции с его стороны не последует. Её неудобства Вольнова явно не трогали, так что оставалось привыкать: вряд ли он злоупотреблял домашней одеждой, а Летане предстояло провести с ним рядом как минимум полторы декады.

Пытаясь отвлечь себя от тишины, она положила исписанные листы на колени, пробежала один взглядом...

— Скажи, а ты хорошо помнишь последние мгновения перед ударом, удар и, может быть, хоть мгновение после? — спросила она, подняв взгляд на феникса.

— А что? — лениво отозвался тот, демонстративно открыл только один глаз и скосил его на собеседницу, не переменяя позы. Но наличие хоть какой-то реакции немного приободрило, и Летана поспешно уцепилась за эту замечательную возможность наладить диалог.

— Хлыстоног амагичен, и это объясняет ровные разрывы силового контура, соприкосновение с его шкурой разрывает малонасыщенные каналы, поэтому складывается впечатление, что их буквально срезали ножом...

— А то я не видел, как он на пассивные чары действует! — разочарованно хмыкнул Яр и опять прикрыл глаз, чтобы на следующей фразе распахнуть оба.

— Я говорю, что это объясняет характер повреждения, но совсем не объясняет, откуда на тебе взялись обрывки чьей-то ещё чужеродной силы. Как раз на месте удара.

— Фон от боевых заклинаний? — Яроплет по-прежнему остался лежать, но на собеседницу посмотрел с внимательным интересом.

— Нет, — уверенно отмахнулась Лета. — Боевые каркасы насыщаются так сильно, что после срабатывания не остаётся никаких мелких фрагментов. Обрывки чего-то гораздо более тонкого. И не твоего, потому что это стихийная смесь, а не чистый огонь.

— Смесь чего? — Феникс сел, скинув ноги на пол, положил ладони на бедра и уставился испытующе, пристально.

— Точно не скажу. Не щит и не атака, что-то тонкое. Почему тебя это так заинтересовало? — озадачилась Лета.

— А тебя? — усмехнулся он.

— Мне просто стало любопытно, — Летана пожала плечами. — Надо было чем-то занять время, я решила восстановить повреждения по памяти, споткнулась об это плетение.

— Ты сможешь определить, что это такое?

— Конечно нет, — вздохнула она. — Там же совсем ошмётки. Но, возможно, узнаю, если попадётся схема чар или их автор. Ты можешь объяснить, почему это тебя так зацепило?

— Да так, любопытно, — уклончиво отозвался он.

— Если хочешь подробностей — делись подробностями, — нахмурилась Лета, потому что сосредоточенное выражение его лица опять сменилось лёгкой усмешкой в уголках губ и лукавым блеском мужского интереса в глазах.

— Да нет никаких подробностей. — Яроплет пожал плечами. — Мне показалось, что там было что-то непривычное и неправильное, любопытно понять, было ли на самом деле и что именно. Ну свист какой-то на четыре ноты, может ветер, магия вот эта... Скорее всего, охотники поставили сигналку, а я вляпался. В любом случае после хлыстонога там уже никаких следов не осталось.

— Охотники? — озадачилась Лета.

— На тварей. От них тоже часто бывают неприятности.

Мир в последние века выглядел как цветок, состоящий из Сердцевины — обители Творца и пяти лепестков, отличавшихся типами магии. В Красном жили огненные деморы, в Синем — воздушные венги, в Чёрном — водные амфиры. Белый населяли люди — магически нейтральные создатели артефактов, менталисты и некроманты. А в Зелёном жили перевёртыши — маги-универсалы.

Зелёный соприкасался с Белым, и эта линия соприкосновения всё время своего существования служила территорией войн. До тех пор, пока чуть больше века назад очередная война не закончилась появлением Разлома — бездонного ущелья, на вид заполненного туманом. В Белый лепесток хлынули агрессивные духи, сюда, в Зелёный, — невообразимые смертоносные твари.

Первое время, когда это только началось, царила почти паника, а потом ничего, привыкли. Человек ко всему привыкает и всё учится использовать себе на благо. Да, люди гибли, но пограничники держали кордон, потихоньку с новыми «соседями» научились бороться наиболее эффективно, выработали общую стратегию, и за пару десятков лет всё окончательно устаканилось. А в процессе ещё выяснилось, что твари могут приносить пользу.

Некоторые из них имели магическую природу, и в момент гибели их физическое тело исчезало, превращаясь в чистую магию, которая прекрасно пополняла накопители. Да, уловить удавалось малую часть, но только в сравнении с мощностью тварей, а на деле её хватало на многое. А те твари, тела которых не были чисто энергетическими, ценились ещё выше, их туши шли в дело до последней капли крови. Из них готовились сложные и ценные зелья, та же «живилка» имела несколько компонентов родом из Разлома, их шкуры шли на защитные костюмы, кости и всяческие роговые наросты — на накопители или, наоборот, на средства противомagической защиты. Поэтому пограничники, даже с учётом немалых расходов на их содержание, приносили лепестку большой доход.

При такой явной, пусть и опасной, возможности нажиться Разлом и его детища не могли не привлечь авантюристов всех мастей. Кто-то честно покупал лицензию и охотился официально, кто-то занимался браконьерством и сбывал добычу нелегально.

Из сотни охотников первый год переживали от силы человек пять, но поток желающих не ослабевал, подкрепляясь в числе прочих и уроженцами других лепестков. Иногда они собирались в группы и тогда действовали гораздо успешнее, отдельные команды даже приобретали известность. С армейскими они держали вооружённый нейтралитет: пограничники без особого воодушевления гоняли браконьеров и насмешливо поглядывали на легальных охотников, у тех между собой случались серьёзные стычки и крепла взаимная неприязнь, а армейских они единодушно звали «башмаками», слегка презирали за «несвободу», но одновременно с этим — завидовали упорядоченности их жизни.

Но сейчас Яроплет вспомнил охотников только для того, чтобы отвлечь собеседницу. Охотники и браконьеры действительно использовали ловушки, но — без магии. Слишком мало толку, потому что больше половины тварей отлично чувствовало спящие чары, а ещё треть вроде тех же хлыстоногов их разрушали. Совсем неуязвимы для магии были всего несколько видов, на остальных чары действовали, но в ловушку не вольёшь столько силы, сколько в прямой удар.

Для того, чтобы думать дальше, Горской информации хватит, а озвучивать детали собственных подозрений... Зачем? Вполне возможно, у него обострилась паранойя, и на самом деле там отметился какой-нибудь молодой и безалаберный охотник. А если нет... Да он и сам толком не знал, почему так уцепился за это происшествие. Не мог же он всерьёз думать, что кто-то научился управлять тварями? Или что хлыстоноги так поумнели, что начали собираться в стаи и ставить ловушки на людей?

Прислушавшись к себе, Яр понял, что может. И не такое может, но одно дело — думать, а другое — высказывать вслух бредовые предположения, не подкреплённые фактами. Нет уж. Начальство предупредил, с товарищами поделился, а там либо найдётся что-то посущественнее, либо он выкинет всё это из головы.

— А что тебе у Разлома-то понадобилось? — предпочёл сменить тему Вольнов.

Собеседница в ответ неопределённо повела плечами, глянула странно и ответила расплывчато:

— Сделать кое-какие замеры, чтобы проверить нашу с профессором теорию.

— Теорию чего?

— Природы Разлома, — всё же пояснила она и неожиданно откровенно призналась: — Я не оригинальна и, как и большинство исследователей, мечтаю найти способ его закрыть.

— Похвально, — кивнул Яр. — А зачем?

— То есть как «зачем»? — опешила от такого вопроса Летана и продолжила едко и холодно: — Я понимаю, что лично тебе без него будет скучно, но ты действительно уверен, что твои развлечения стоят жизней тех, кто здесь... гибнет, — запнулась она под странным, насмешливо-сочувственным взглядом феникса и нахмурилась: — Почему ты так на меня смотришь?

— Умиляюсь. Такая очаровательная наивность юности! Ты с института совсем не изменилась, — довольно сообщил Яроплет. — То есть мне сначала показалось, но нет, узнаю Лету Горскую, старосту и отличницу, направление тонких структур, специальность — человековедение.

— Можно подумать, ты меня запомнил, — хмурясь, сказала Лета совсем не то, что собиралась, и тут же рассердилась на себя. Выглядело так, как будто она на него обижена, а она...

Если бы она сама понимала, что именно! Недовольна? Сердита? Возмущена?

— Сначала не вспомнил, — честно признался Яр. — А теперь вот уже проясняется, даже проклёвывается ностальгия по бесшабашной студенческой юности.

— Что наивного ты находишь в моём желании уничтожить Разлом? — Лета предпочла вернуть его к действительности, потому что обсуждать прошлое не хотелось.

— Ничего. А вот в твоей уверенности, что после этого мир вдруг станет лучше и добрее — всё. Ты же отличница, рыжая, историю-то небось тоже учила! Пограничники всегда были пограничниками и никогда не скучали, сечёшь? — подмигнул он. — С тварями оно веселее, чем с некросами, но я в любом случае не останусь без работы и веселья. А ты... Да ничего ты не успеешь сделать, даже если придумаешь. Как поймут, что действительно можешь прикрыть Разлом, так и прихлопнут. То ли торгаши, то ли браконьеры, то ли чиновники. Экстренные порталы больших денег стоят, думаешь, нам такую роскошь выдают из человеколюбия? Просто на нас делают очень большие деньги, рыжая. Так-то! — усмехнулся Яр, легко щёлкнул её по носу согнутым пальцем и вновь вытянулся на постели.

Летана мрачно проследила за фениксом и ничего не ответила, не видя смысла спорить. Ни с тем, что он говорил про Разлом, ни с её воображаемой рыжиной. Только подумала, что эти две декады будут долгими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.